

Саблин В.А.

**Социальная стратификация
и социальное поведение
российской деревни
1900-1920-е гг.**

Вологда
Древности Севера
2007

Копию
доставлено
автору

25.09.08

В.А. Саблин

Саблин В. А.

Социальная стратификация и социальное поведение российской деревни 1900–1920-е гг. – Вологда: Древности Севера, 2007. – 60 с.

В работе рассмотрены основные изменения в социальной структуре российской деревни 1900–1920-х гг. Анализируются процессы социально-экономической трансформации и поведенческих установок ведущих социальных групп российской деревни: крестьян-общинников, хуторян и отрубников, помещиков и сельского духовенства. Для преподавателей, студентов и всех интересующихся отечественной историей.

© В.А. Саблин, 2007

© «Древности Севера», 2007

ВВЕДЕНИЕ

Социальные процессы в российской деревне в первой трети XX в. развивались в контексте географических и административно-территориальных рамок огромного государства. Данное обстоятельство в значительной степени определяло стратификационную структуру ее социального пространства. Не в меньшей степени на характер социальных изменений влияла начатая в начале XX в модернизация России, которая по своей сути относилась к типу вторичной, периферийной, или «догоняющей» модернизации. Ее главным отличием являлась неорганичность, которая проявлялась в том, что модернизация была инициирована и проводилась «сверху» силами государства под давлением внешних угроз, а не сформировавшихся в внутренних потребностей¹.

Как отмечает В.А. Надеждина ход подобной модернизации, ее результаты оказываются в решающей степени зависящими от обратной реакции на реформы самого общества, остающегося в основе своей еще аграрно-традиционным. В силу этих причин успешность модернизации во многом определялась тем, сможет ли проводящая ее элита ретранслировать новые символы (ценности) грядущего индустриального общества в традиционалистские социальные слои и группы, адсорбирав старые ценности и частично приспособив их под новое содержание². Иными словами, успешность модернизации и ее конкретный ход в значительной мере определялись факторами социокультурного характера.

Далеко не случайно, что очевидные успехи России на пути индустриальной модернизации в начале XX в. сопровождались резким скачком в продвижении к новому уровню экономического развития и одновременно ростом социальной конфликтности, противоречий и диспропорций в общественной жизни страны, и приводили к глобальной социальной трансформации.

На протяжении 1870–1913 гг. по темпам роста основного капитала и капиталовооруженности труда Россия превосходила другие крупные страны Запада в период их «промышленного рывка», одновременно наметилась тенденция к ускорению среднегодовых темпов прироста душевого валового внутреннего продукта (ВВП)³. И все-таки, несмотря на очевидные успехи, не была решена проблема технико-экономического отставания страны от основных европейских держав. Накануне Первой мировой войны российская промышленность давала только 20,0% национального дохода страны⁴. Модернизационные сдвиги еще в меньшей степени коснулись сельского хозяйства. Теме не менее, темпы роста его продукции

впервые за длительную историю России обгоняли темпы роста численности населения. В 1885–1900 гг. эти показатели составляли 2,5–2,6% и 1,3–1,4%, в 1900–1913 гг. соответственно 2,9–3,0% и 1,9–2,0%. За период с 1885 по 1913 г. средняя урожайность зерновых поднялась в 1,7–2,0 раза, причем увеличение совокупного продукта земледелия было на 2/3 связано с расширением обрабатываемых площадей и лишь на 1/3 с ростом продуктивности земли⁵. Вместе с тем этот рост не был стабильным.

Социальное пространство Российской империи начала XX в. формировалось из множества элементов. По подсчетам Б.Н. Миронова в 1913 г. в Европейской части страны крестьяне составляли 80,1%, дворянство – 1,5%, духовенство – 0,5%, горожане – 17,6 %, разночинцы – 0,2 % (см.: таблицу 1).

Таблица 1

Социальный состав населения Европейской России без Польши и Финляндии в XIX – начале XX вв. (тыс. чел.)

Сословия	1858 г.		1870 г.		1897 г.		1913 г.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Дворяне	889	1,5	861	1,3	1373	1,5	1936	1,5
Духовенство	567	1,0	609	0,9	501	0,5	907	0,5
Военное	3767	6,4	3981	6,1	–	–	–	–
Городское	4300	7,3	6091	9,3	10493	11,3	22716	17,6
Крестьянство	48953	82,7	53631	81,8	80081	85,9	103257	80,1
Разночинцы	730	1,2	383	0,6	738	0,8	258	0,2
Всего	59206	100	65556	100	93186	100	128864	100

Российская империя оставалась страной, в которой к началу Первой мировой войны в 1914 г. только 14,6% населения составляли горожане, и всего-навсего 22,0% населения были заняты вне аграрного сектора⁶.

Самый многочисленный в стране деревенский социум представлял собой сложное образование, которое отличалось конфликтным взаимодействием основных социальных групп, имеющих при этом свою внутреннюю, довольно усложненную стратификацию: крестьянства, помещичьего дворянства, духовенства и др. Индикаторами подобной стратификации выступают социальные позиции и социальное поведение той или иной страты, степень ее самонидентификации и уровень самосознания. Сами эти позиции определяются ролью и местом социального слоя в рыночном производстве⁷.

Сегодня, по мнению В. П. Наумова «... наступило время критически оценить весь наш подход к социальной стратификации русского общества ... который целиком и полностью базировался на марксистской теории классов и классовой борьбы, строго определившей еще задолго до начала революционного процесса, какие классы и социальные группы являются революционными, а какие контрреволюционными...»⁸.

Действительно, преобладающей историографической позицией до сих пор является дискретный подход, согласно которому 1917 год является своеобразным рубежом, за которым осталась прежняя социальная система. Попыток выйти из рамок этого подхода практически не делается. В данной связи, более обоснованным выглядит принцип изучения несущих социальных конструкций деревни в контексте единой модернизационной парадигмы первой трети XX столетия. Взявшие власть большевики в 1917 г. оказались перед необходимостью решения объективной исторической задачи, — осуществления индустриальной модернизации России, которая в значительной степени предопределила все их действия в последующем, включая преобразования в социальной сфере⁹.

Сделав эти необходимые оговорки, перейдем к анализу тех изменений, которые имели место в социальной структуре российской деревни на протяжении 1900–1920-х гг.

КРЕСТЬЯНСТВО

Эволюция теоретических представлений российских ученых о социальной структуре российской деревни сопровождалась изменением их отношения к источникам и методике исследования. В конце XIX – начале XX вв. в крестьяноведческих разработках последовательно сменяли друг друга общинная (П.П. Семенов и др.), трудо-потребительская (И.А. Гурвич), организационно-производственная (Н.П. Макаров, А.В. Чайнов) теории, которые базировались на основе анализа массовых статистических материалов и, прежде всего, подворных переписей крестьянских дворов и земских обследований деревни.

Вплоть до конца 1920-х гг. одним из основных вопросов, обсуждаемых экономистами-аграрниками, был вопрос об экономической мотивации российских крестьян¹⁰. Представители организационно-производственного направления (А.В. Чайнов, А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров и др.) обосновывали потребительский характер крестьянского производства¹¹. Фундаментом указанной теории служит тезис о самодостаточном типе натурального по своим характеристикам крестьянского хозяйствования, надформационного по своей сущности. способного сохранять свою «осо-

бость» даже в условиях капитализма¹². Эта самодостаточность находила выражение в балансе трудовых и потребительских возможностей двора. «Напряжение трудовых сил регулируется степенью удовлетворения потребностей трудовой семьи», – писал Н.П. Макаров¹³.

Крестьянское хозяйство, являясь одновременно частью народнохозяйственного механизма и самоценным семейным организмом, характеризовалось не только отраслевой спецификой и уровнем агрокультуры, отражающими отношение человека к природе, но и стороной социальной. Последняя предполагала наличие социальных функций у крестьянской семьи и определенное место крестьянской экономики в общественном разделении труда и общей экономике, а также исторически обусловленную ими форму включенности крестьянства, являющегося его носителем, в целостный социальный организм.

Данная концепция развития крестьянского социума сразу же нашла своих оппонентов как в лице защитников «фермеризации» крестьянского производства (Л.Н. Литошенко), так и в лице апологетов классового подхода в определении мотивов крестьянского производства.

В противовес организационно-производственному направлению и трудо-потребительной теории Л.Н. Литошенко, Б.Д. Бруцкус развивали теорию индивидуального хозяйства. Опираясь на бюджетную статистику крестьянских хозяйств, они доказывали преимущества крупного хозяйства и нерациональность мелкогох¹⁴. Л.Н. Литошенко, в частности, отмечал, что если крестьянин, в конечном счете, думает только о потреблении, то «его ближайшей и конкретной целью будет всегда получение максимального дохода, создание продукта, имеющего максимальную рыночную ценность»¹⁵. Следует признать, что высказанное соображение не столько противоречило теории трудопотребительского баланса, сколько дополняло ее. Прав был А.В. Гордон, когда писал, что, побуждая к росту производства, рынок способствовал реализации имманентных возможностей развития крестьянского хозяйства»¹⁶.

Против идеи о единстве организационного плана всех типов крестьянских дворов выступил В.И. Ленин. В его работах был сделан акцент на процессы социальной дифференциации крестьянских хозяйств. Анализ земских бюджетных обследований крестьянских дворов позволил В.И. Ленину дать подробную экономическую характеристику социальных групп крестьянства и послужил основанием для выводов о наличии в русской деревне сформировавшихся групп сельского пролетариата и деревенской буржуазии¹⁷. В работах его последователей Я.А. Анисимова, Н.Д. Верминичева, М. Сулковского и других, был выдвинут тезис о «приобретательской» (собственнической) мотивации хозяйственной деятельности

крестьянин и об организационно-производственных различиях между экономическими группами крестьянских хозяйств. Доказывалось, что в «полупролетарских» дворах земледельческое хозяйство носило натуральный характер и имело многоотраслевую структуру, постепенно превращаясь в источник подсобного заработка. В хозяйствах «средняцких» часть дохода от земледелия шла на удовлетворение нужд семьи в продовольствии, а часть – реализовывалась на рынке для получения денежных средств, необходимых для покупки продуктов промышленности. В «кулацких» хозяйствах земледелие носило в значительной мере товарный характер, при этом получение денежного дохода являлось целью всего производства с дальнейшей перспективой расширения своего хозяйства¹⁸.

Однако, по данным А.Н. Челинцева, непотребительский характер в начале века носило примерно 2,0–5,0% крестьянских хозяйств. Таким образом, именно трудо-потребительский баланс лежал в основе организации подавляющего большинства крестьянских хозяйств как хозяйств семейного, некапиталистического типа. Товарно-денежные отношения развивались крестьянами в основном ради поддержания жизнеспособности собственного хозяйства.

Сохранение традиционной трудовой мотивации (наряду с общинным землевладением и землепользованием) препятствовало проникновению в крестьянскую среду ценностей модернизации как элементов буржуазного миросозерцания¹⁹. Тем не менее, в конце XIX – начале XX вв. в России наметились различные варианты капиталистической трансформации и соответственно форм социальной эволюции крестьянского хозяйства.

Основным типом социальной организации крестьянского хозяйства Земледельческого Центра и других районов с аграрным перенаселением было традиционное семейное хозяйство, интегрированное в поземельную общину, слабо втянутое в рыночные отношения, опутанное, как правило, различными видами докапиталистической эксплуатации. Дифференциация таких хозяйств также во многом имела докапиталистическую основу, определялась жизненным циклом крестьянской семьи. В ответ на усиление налогообложения, рост арендных цен на землю и т.д. крестьянство в ряде районов пошло по пути общинной консолидации: укрепления общинных связей и механизмов социального регулирования в целях обеспечения гарантий выживания для всех ее членов. Это приводило к тому, что община усилила свое регулирующее воздействие на крестьянское производство. В первую очередь эта тенденция проявилась в нечерноземных губерниях. В начале XX в. главная часть надельной земли использовалась по принципу общинного землепользования: из 136,9 млн. десятин на общинное пользование приходилось 114,1 млн.²⁰

В районах Юга, Юго-Востока, Востока и Северо-Запада, где было в наибольшей степени развито подворное землепользование, получили распространение капиталистические формы земледелия по типу фермерских хозяйств с повышенным уровнем товарности, специализацией производства, использованием кредитных капиталов, машин, шел процесс разложения общины, ослабления общих связей и традиций. а социальная дифференциация происходила на капиталистической основе.

Следует согласиться с высказанным в исторической науке мнением, что в России в условиях модернизации аграрный сектор экономики оказался в весьма неблагоприятном положении. Рост индустрии на рубеже XIX—XX вв. во многом достигался за счет изъятия средств из сельского хозяйства, что в совокупности с действием других факторов таких как, условия крестьянского освобождения, сохранение остатков сословного неравноправия, высокие налоги, неблагоприятные природно-климатические факторы, неурожай и сопутствующий им голод 1891 г., 1901 г., 1906 г. 1911 г., определили чрезвычайную бедность российской деревни и вытекающие из этих обстоятельств формы социального поведения и социальной самоидентификации крестьянства.

По этой причине уровень неравенства между крестьянами на рубеже XIX—XX вв. оставался низкими. Крестьянство в отличие от других сословий до самой российской революции 1917 г. оставалось в имущественном и социальном отношении довольно однородной массой и имело лишь зачатки так называемого буржуазного расслоения (низшие, средние и высшие страты).

Социальная и имущественная однородность крестьянства в значительной степени обуславливалась высокой мобильностью внутри самого крестьянства. В пореформенное время внутрисословная мобильность обнарузила тенденцию к снижению, в результате чего в начале XX в. только около половины крестьян переходило в течение жизни из первоначальной страты в другую, вторая половина все время оставалась в своей страте. Причина этого, по мнению С.Б. Миронова, кроется в следующем: в пореформенное время аграрное перенаселение, препятствовавшее полной реализации в рамках сельского мира трудовых ресурсов большой крестьянской семьи, увеличение доли наемных работников в деревне способствовали разложению института большой патриархальной семьи. Во главе такой традиционной семьи стоял «большак», обладавший всей полнотой хозяйственной, нравственной и административной власти. В тоже время рост индивидуализма, стремление к самостоятельности и независимости от своих родственников, экономическая дифференциация внутри большой семьи усиливала тенденцию ее распада на отдельные супружеские пары

(переход к нуклеарной семье). Росла доля малых семей, увеличивалось число семейных разделов, которые затрудняли превращение малой или расширенной семьи (обычно находившейся в страте бедных или средних социальных групп крестьян) в составную или большую семью, которая обычно бывала зажиточной²¹.

В целом действующие тенденции капиталистической трансформации сельского хозяйства и более медленного процесса эволюции образа жизни крестьян только складывались: основной социальной фигурой российской деревни, самым многочисленным ее слоем продолжал оставаться небогатый крестьянин, существующий в рамках локального социума – общины, или мира. Сохранение общины как основной социальной ячейки в деревне определяло не только жизненный уклад подавляющей части ее населения, но и устойчивость архетипов его общинной ментальности и социального поведения, поэтому новые тенденции пока были не способны разрушить традиционалистские парадигмы сознания, существовали параллельно и во взаимодействии с ними. Вплоть до 1917 г. во многом сохранялась автономная природа крестьянской жизни²².

Важнейшим регулятором социальных отношений в деревне являлась религия. При этом крестьянское мировосприятие отличалось ярко выраженным синкретизмом: в деревне в начале XX в. сохраняли языческие верования и обряды, которые уживались с особым типом православной религиозности утилитарного, обрядового свойства.

Правительственная политика в свою очередь была ориентирована на сохранение существующего типа религиозности и образования, консервацию патриархальных устоев деревни и по этой причине постепенно входила в противоречие с порождаемыми капитализмом новыми формами поведения и предъявляемыми рынком требованиями к социальной мобильности крестьянства.

Постепенное размывание религиозной основы народного мировоззрения, происходившее в ходе модернизации, подтачивало легитимирующие монархию установки сознания, связывающие воедино власть Бога и царя. Из революционных потрясений начала века крестьяне вышли с ослабленными монархическими настроениями и негативным отношением к конкретному носителю царской власти – Николаю II. Определенный ущерб монархическим чувствам крестьян нанесла русско-японская война 1904–1905 гг., первая российская революция 1905–1907 гг. и, в особенности, столыпинская аграрная реформа, поправшей традиционные крестьянские представления о справедливости.

Процесс дискредитации правящего монарха вскоре после вступления страны в мировую войну стал приобретать новые мотивы. Основываясь

на данных министерства юстиции по делам крестьян, привлекавшихся в 1914–1916 гг. к уголовной ответственности за оскорбления в адрес царя и членов императорской фамилии О.С. Поршнева выделяет несколько групп критических высказываний в адрес власти и правящего венценосца.

Первым таким мотивом стало отсутствие убедительных, по представлениям крестьян, оправданий войны. Развитие этой линии диссонанса между представлениями российских крестьян о справедливой войне и их видением Первой мировой войны как ненужной, непонятной зависело от хода самой войны, ее успешности и длительности. Царя обвиняли в вовлечении страны в ненужную войну («затеял войну», «погнал народ убивать», послал на войну, а сам остался в стороне и т.п.). Крестьянин с. Савино Огневской волости Бийского уезда Томской губ. С.С. Зырянов (51 год) в марте 1915 г. заявил: «Вот если бы самих царей выгнать на войну, да побить бы их так, как наших детей бьют, тогда бы они узнали, как льется кровь наших детей». В одном из высказываний говорится, что царя «даром» народ переводят, т.е. войне этой нет оправданий.

Самой репрезентативной группой суждений была та, в которой Николай II обвинялся в плохой подготовке страны к войне и неумении вести ее. При этом крестьяне ругали царя за то, что вместо подготовки к войне он «строил мосты да кабаки», «клубы да театры устраивал», «бутылки отливал», уподобился плохому крестьянину, ничего не заготовившему для хозяйства. Вот высказывание крестьянина д. Аделаидовки Бугурусланского уезда Самарской губ. А.А. Герасимова (44 лет), сделанное в январе 1915 г.: «Германский царь в ожидании войны наготовил орудий, а русский царь оказался хуже плохой деревенской бабы, ничего не приготовил...».

Вторым мотивом было выявившееся в экстремальных условиях военного времени неумение власти эффективно справляться с внутренними экономическими и политическими трудностями. Царь обвиняется в плохой жизни крестьян, в том, что в России самые высокие налоги, «весь хлеб отобрали». «последняя жизнь» и т.п. Третьим – многочисленные нарушения социальной справедливости, когда бремя войны распределялось крайне неравномерно между «верхами» и «низями» общества. С этой группой суждений были связаны слухи об измене в высших эшелонах власти, немецких шпионах, толки о немецком засилье и др. «Разгадка фамилии Распутина. Написать слова: Романова Александра Своим Поведением Уничтожила Трон Императора Николая. Прочсть начальныя буквы. Получится РАСПУТИН», – записал в своем дневнике крестьянин Тотемского уезда Вологодской губернии А.А. Замараев²³.

В крестьянской среде вызревало мнение об императрице Александре Федоровне и вдовствующей императрице Марии Федоровне как о «не-

мках», якобы сочувствовавших Германии и всеми способами вредивших России. Хотя такие представления не имели ничего общего с действительностью, но вкупе с толками и слухами о самом императоре и придворной камарилье, они стали первыми кирпичиками того образа внутреннего врага «внутреннего немца», «темных сил», который стал формироваться в массовом сознании. начиная с лета 1915 г., Наиболее ярко характеризует такие представления следующее высказывание крестьянки д. Богомилцево Ярославской губ. Д.А. Хозовой (47 лет): «Старая государыня у нас несчастная немка, переписывается с германцами, и когда русских солдат бьют, то радуется, а когда наши бьют германцев, то плачет. Таких надо давить»²⁴.

В начале 1917 г. тяготы военного времени, экономические неурядицы, безотрадные вести с фронта утвердили в сознании деревни убежденность в скором, но катастрофическом окончании войны. Война при этом воспринималась как неизбывное, мировое Зло. Тот же крестьянин А.А. Замараев подчеркнул: «Деревня предоставлена сама себе», «Кажется, в России наступает голод», «О, Господи! Молю Тебя. Благослови все человечество и избави нас от зла! Даруй нам победу над врагами и вечное пребывание в Тебе»²⁵.

Таким образом, годы войны были решающим периодом в наметившемся под влиянием модернизации процессе нарушения целостности традиционного общинного сознания крестьян: девальвировались ценности монархии как формы государственной власти; обесценивались религиозно-нравственные и моральные установки, ранее сдерживавшие и осуждавшие насилие и жестокость.

В то же время под влиянием трудностей и бедствий войны наблюдалось усиление общекрестьянской (общинной) солидарности укреплялась автаркия сельского (крестьянского) социума, – враждебность по отношению к чужакам, возрастание внутриобщинной консолидации на базе традиционных принципов совместного выживания. прежде всего на основе принципа уравнительного трудового землепользования, оцениваемого в качестве важнейшего регулятора справедливых общественных отношений Этими подвижками в сознании крестьян, произошедшими под влиянием мировой войны, в значительной мере определялось их социальное поведение в революции 1917 г.²⁶

Начало революции и падение самодержавия вызвали в крестьянском сообществе прилив демократических ожиданий. Деревня жила надеждами на Временное правительство. «Март в этом году можно назвать историческим ... Теперь воля есть. Некого бояться за разговоры», – констатировал в своем дневнике тотемский крестьянин А.А. Замараев²⁷. «Ми-

нистры народная. Все они люди хорошие, честные, бескорыстные. Они действительно искренне желают только добра и добра нашей родине»²⁸.

Наиболее зримым воплощением демократических устремлений революции явилось создание в деревне общественных исполнительных комитетов. В круг их обязанностей входили подготовка населения к созыву Учредительного собрания, решение всех хозяйственных, продовольственных и финансовых проблем в волости. Социальный состав комитетов отражал в целом демократическую процедуру выборов, и, самое главное, общенародный характер формирующейся власти. Крестьяне представляли подавляющее большинство членов комитетов – свыше 70,0%.

Создаваемые на местах органы власти не вписывались в схему «народоправства», тщательно прорабатываемую в правительственных кабинетах. Временное правительство после некоторых колебаний окончательно сделало ставку на прежние представительные учреждения, решившись на серьезную реформу земств.

21 мая были обнародованы постановления «О производстве выборов уездных и губернских земских гласных» и «О волостном земском управлении», 9 июня – «Об изменении действующего Положения о губернских и уездных земских учреждениях впредь до издания нового о них Положения», 17 июня - «О введении земских учреждений в губернии Архангельской и Сибири».

С изданием соответствующих «наказов» по применению указанных постановлений²⁹ в центре внимания всех государственных и общественных структур оказались выборы в волостные земства. Создаваемая система органов власти базировалась на принципах всеобщих выборов. Право голоса получили абсолютно все граждане, достигшие 20-летнего возраста, без каких-либо правовых, национальных, религиозных и имущественных ограничений. К выборам допускались лица, проживающие на территории волости или уезда. Выборы гласных становились всеобщими, равными, прямыми, при соблюдении тайны голосования.

С введением волостного земства крестьянство получало реальные гражданские права, а государство – законченную систему местного самоуправления от волости до губернии. Имеющиеся сведения о составе земских собраний позволяют сделать вывод о том, что крестьянство стало преобладать в земствах всех уровней.

Пришедшие к власти в октябре 1917 г. большевики очень скоро расправились со всеобщим земством, так как имели собственный взгляд на решение политических, социальных и экономических проблем в России. Ленин и его сторонники были убеждены, что все социальные процессы в России после Октября 1917 г. будут определяться изменениями

в экономической сфере, прежде всего обобществлением собственности. «Заменяв частную собственность на средства производства и обращения общественной и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы»³⁰.

Исходя из этого, социологическая схема победившего большевизма предполагала, что находящиеся в тесном союзе пролетариат и беднейшее крестьянство по мере продвижения к социализму будут, во-первых, все больше сближаться между собой; во-вторых, по большей части поглощать, социально и культурно ассимилировать крестьян-середняков, кустарей и трудовую часть интеллигенции; в-третьих, вытеснять из социально-экономической жизни все сохранившиеся эксплуататорские элементы (кулаков, остатки прежней городской буржуазии, буржуазную по духу интеллигенцию и т.д.).

В результате должна была произойти радикальная социальная трансформация общества в направлении придания ей однородного «пролетарского» характера. В известной мере на ускорение этого процесса был направлен комбедовский эксперимент. Сознательный отказ большевиков от общекрестьянской политики, курс на классовый раскол деревни и отрыв бедноты от остальных слоев крестьянского мира ухудшали взаимоотношения большевистской власти и крестьянства.

Середина 1918 г. явилась своего рода дискретным периодом во взаимоотношения власти и крестьянства. До этого деревня, занятая земельными преобразованиями, сохраняла нейтралитет или поддерживала аграрную политику большевиков, оплачивая векселя, выданные властями в «октябрьских» заявлениях и декретах.

Важнейшим следствием революции и уравнительного передела земли 1917–1920 гг. стало изменение социального облика крестьянства. Резко сократилась численность зажиточного слоя деревни, составляя не более 3,0% от общей массы крестьян³¹. Ведущие позиции в производстве сельскохозяйственной продукции по-прежнему сохранялись за мелко-варным хозяйством, хотя его позиции были сильно подорваны проводившейся экономической политикой. Зыбкая грань, разделявшая различные категории крестьянства, размывала социальные противоречия между ними, способствовала осознанию общекрестьянских интересов. Произошла фактическая архаизация прежней социальной структуры аграрного общества при одновременной ее примитивизации, выразившейся в росте маргинальных элементов³². Это, в свою очередь, привело к выходу на поверхность социокультурной архаики, проявившейся в биологиза-

ции поведения масс и в росте их агрессивности. Разобщенность власти и крестьянства, усиливающееся противостояние между ними становятся все более заметными и достигают к 1921 г. состояния, определяемого как крестьянская война.

Большевистский режим, поставивший перед собой грандиозную модернизационную задачу создания принципиально нового социалистического типа общества, материальной базой которого должна была стать индустриальная, самая передовая для своего времени экономика столкнулся с альтернативой: или перманентная война с основной массой населения, или гражданский мир на основе широких компромиссов с крестьянством. По словам В.И. Ленина большевики «натолкнулись на большой... на самый большой внутренний политический кризис»; «мы безусловно имели налицо недовольство громадной части крестьянства»³³. Главной причиной недовольства крестьянства была «разверстка в деревне, этот непосредственный коммунистический подход к задачам строительства социализма»³⁴. Власти были вынуждены признать: «...на экономическом фронте, с попыткой перехода к коммунизму, мы к весне 1921 г. потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение более серьезное, гораздо более существенное и опасное»³⁵.

Допущение в рамках нэпа рыночной экономики на практике означало создание условий для частичного восстановления той социальной структуры, которая была характерна для российского общества накануне Первой мировой войны, т.е. общества аграрно-индустриального типа. В то же время нэп рассматривался большевистским руководством как путь к социализму, – «найти формы сожителства с мелкими землевладельцами», «экономически удовлетворить среднее крестьянство», «установить соглашения с крестьянством, чтобы спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах»³⁶.

Начало новой экономической политики было затруднено катастрофой – голодом, обрушившимся на страну летом-осенью 1921 г. О напряжённости ситуации в деревне и нестабильном положении органов власти свидетельствует то внимание, с которым местное руководство следило за развитием политических настроений крестьянства. В информационных сводках, ВЧК которые еженедельно получали уездные и губернские комитеты партии, отношение крестьянства весной 1921 года характеризуется как «враждебное», «недоверчивое», «крайне натянутое». По мнению А.А. Мякотина, анализировавшего политические настроения самарского крестьянства в 1921–1925 гг., о переломе в политических настроениях крестьянства в пользу власти можно говорить не ранее осени 1923 г., ког-

да руководство страны пошло на некоторые уступки крестьянству — повысило цены на сельскохозяйственную продукцию и снизило цены на промышленные товары.

Ситуация кризиса сбыта, в которой оказалась страна, вытекала из первой попытки форсированной индустриализации путем перекачивания средств из сельского хозяйства в промышленность. Выход из экономического кризиса сопровождался ростом политической активности крестьянства. В качестве канала для ее нейтрализации власти страны избрало организацию кампании «по оживлению Советов». Цель новой политики состояла в том, чтобы, во-первых, вызвать у крестьян интерес к местным Советам, а во-вторых, ослабить влияние на деревню таких крестьянских объединений как земельные общества, которые объективно являлись выразителями экономических и социокультурных интересов крестьян-общинников. В январе 1926 г. Наркомзем утвердил «Нормальный устав земельного общества», согласно которому земельное общество представляло собой низовое объединение землепользователей, выполнявшее функции посредствующего звена между государством и крестьянством. В.В. Кабанов справедливо полагал, что за этим стояли интересы государства, его стремление проникнуть в сельский мир, установить за ним более тщательный контроль и хотя бы частично вытеснить его из привычного круга действий³⁷.

В условиях, когда большинство сельских советов не имели своих бюджетов³⁸, относительно широкие экономические возможности и права земельного общества (собственный бюджет) к середине 1920-х гг. сделали его реальным хозяином положения во всех вопросах, касавшихся крестьянского двора³⁹. Сельский совет во многих случаях довольствовался административными функциями. «Обследования, проводившиеся РКЖИ в 1924—1925 гг. констатировали слияние всех деревенских организаций, включая советы, в одном органе — сельском сходе», — отмечал А.А. Курнышев⁴⁰.

Главным инструментом, усилившегося регулирования деятельности земельных обществ, стало расширение функций сельсоветов в деле утверждения или регистрации решений сходов, «надзор за точным соблюдением земледельческим населением действующих в республике законоположений и распоряжений по вопросам землеустройства и землепользования»⁴¹.

«Великий перелом» во взаимоотношениях власти и общины произошел в 1927 г., когда был принят ряд законодательных актов, расширяющих участие сельских Советов в деятельности земельных обществ⁴². Важную роль в этом сыграла передача средств самообложения из рук земельных

обществ в руки сельсоветов (по постановлению ЦИК и СНК СССР от 24 августа 1927 г.). Земельные общества постепенно лишались экономической независимости.

Одновременно с этими мерами власть усиливает административный нажим на земельную общину. С принятием в декабре 1928 г. «Общих начал землепользования и землеустройства СССР» права решающего голоса и права быть избранными в органы общинного самоуправления были лишены все, кто не имел права избирать в Советы⁴³. Окончательное подчинение общины сельским Советам было связано, как известно, с расширением экономического воздействия государства на общину посредством контрактации, введения в деревне агроминимума и института агроуполномоченных. Последний был создан в деревне в соответствии с циркулярным письмом ВЦИК от 10 апреля 1929 г.

В условиях, когда деревня лишалась своей корпоративной структуры в лице земельных обществ, крестьянство все громче заявляет о необходимости политической и социальной консолидации. Со второй половины 1920-х гг. наблюдается рост приверженцев организации Крестьянского Союза и публичных выступлений за создание крестьянских организаций. В отдельных селах и волостях создаются тайные крестьянские организации. В понятие «Крестьянский Союз» вкладывались зачастую различные значения, но все они, так или иначе, сводились к требованию политического самоопределения крестьянства. – см. таблицу 2.

Как видно из таблицы за январь– август 1926 г. в стране было зафиксировано 834 выступления в пользу Крестьянских союзов, за эти же месяцы 1927 г. – 962 выступления. Власти с большой тревогой отмечали рост крестьянской активности и всеми способами старались не допустить политической консолидации деревни.

Вопрос о том, в какой степени борьба за Крестьянские союзы отражала общекрестьянские взгляды и служила фактором возросшего самосознания крестьянства еще предстоит выяснить. В данной связи необходимо учитывать, что социальная структура российской деревни в период нэпа по сравнению с периодом Гражданской войны усложнилась. Последнее было связано с возрождением многоукладной экономики страны.

Общая численность населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. составляла 147027,9 тыс. чел. Доля сельских жителей в общей численности населения составляла 120713,8 тыс. чел. (82,1%). По РСФСР – соответственно 100891,2 тыс. чел., из которой 83448,6 тыс. чел. (82,7%) являлись сельскими жителями⁴⁴.

По роду занятий сельское население страны распределялось следующим образом (см. таблицу 3).

Динамика требований создания крестьянских союзов
в СССР в 1926–1927 гг. по данным ЦК ВКП (б)
(число выступлений)

Месяц	1926 г.	1927 г.
Январь	158	221
Февраль	151	Нет сведений
Март	139	Нет сведений
Всего за январь–март	448	571
Апрель	75	Нет сведений
Май	51	Нет сведений
Июнь	32	113
Всего за апрель–июнь	158	287
Июль	111	69
Август	117	35
Всего за июль–август	228	104
Сентябрь	114	34
Октябрь	140	86
Ноябрь	152	96
Декабрь	168	Нет сведений
Итого	1408	1178

Источник: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 27. Д. 1210. Л. 121, 153; Д. 1211. Л. 30, 84; Д. 1212. Л. 12, 51, 76. (сведения за сентябрь – декабрь 1927 г. неполные).

Социально-профессиональная структура сельского населения выглядела довольно разнообразной, но при этом не сложно увидеть, что подавляющая часть населения деревни была связана с сельскохозяйственным производством (93,59%) составляя группу мелких товаропроизводителей. Полностью сложившиеся и обособившиеся социальные группы – рабочие, интеллигенция, капиталисты – занимали в сельском населении сравнительно небольшое место. Характерно наличие последовательного ряда промежуточных слоев и групп, соединявших мелкого товаропроизводителя с рабочими, с одной стороны, и зажиточным крестьянином – с другой.

В свою очередь материалы гнездовой переписи крестьянских хозяйств 1927 г., призванной выяснить классовую структуру деревни, также показывают решительное преобладание средних слоев – различных групп

Таблица 3

Распределение сельского населения СССР по роду занятий и профессиональному статусу в 1926 г. (в %)

Сфера занятости	Рабочие	Служащие	Лица свободных профессий	Хозяева с наемными рабочими	Хозяева с помогающими членами семьи и членами артели	Одиночки	Члены семьи, помогающие главе в его занятии	Всего
Сельское хозяйство	35,95	7,17	—	94,14	98,98	73,97	99,60	93,59
Промышленность	23,13	10,12	—	0,10	—	—	—	1,09
Кустарное производство	3,75	1,39	—	4,96	0,72	16,98	0,31	1,59
Строительство	1,78	0,41	—	0,12	0,09	4,70	0,02	0,37
Транспорт	14,60	9,71	—	0,15	0,05	1,22	0,01	0,84
Торговля и кредит	0,45	12,74	—	0,50	0,15	3,01	0,06	0,49
Учреждения	0,73	47,94	—	—	—	—	—	0,88
Прочие отрасли	19,61	10,52	100	0,03	0,01	0,12	0,00	1,15
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Окончательные итоги. В семи отделах (сериях), 56 томах. Т. XXXIV. М., 1930. С. 2-3.

мелких самостоятельных производителей, составлявших в совокупности 62,8% хозяйств. При этом, территориальные различия были невелики и колебались в пределах 55,0–70,0%. Сфера производственной деятельности средних групп сельского населения ограничивалась почти исключительно сельским хозяйством – свыше 96,0% мелких самостоятельных производителей в деревне были заняты в сельском хозяйстве, в том числе более $\frac{3}{4}$ исключительно в сельском хозяйстве.

Следующий значительный социальный слой, выделяемый материалами переписи 1927 г., – полупролетарский, бедняцкий – 23,3% хозяйств. Имели место значительные территориальные различия в удельном весе этого слоя сельского населения: от 5,0–6,0% (Вятский и Западный районы) до 13,0–15,0% (Урал и Северный Кавказ).

Гнездовая перепись 1927 г. впервые дала сведения об удельном весе кулацких хозяйств и о системе их эксплуататорских отношений. При этом учитывались отношения не только капиталистические, но и докапиталистические (так сказать, натуральные).

В материалах переписи все зажиточные хозяйства обозначены как мелкокапиталистические, что, по всей видимости, оправдано, поскольку докапиталистические по своей сущности отношения в деревне переплетались и сливались с капиталистическими, что само по себе характерно для ранних стадий классового расслоения крестьянства. Революция 1917 г., уничтожив развитые формы аграрного капитализма в России, отбросила классовое расслоение деревни к его ранним формам и стадиям. К осени 1927 г. мелкокапиталистическими стали 3,9% хозяйств в деревне, в том числе 2,7% – «чисто сельских», 0,9% – сельских с неземледельческими занятиями и 0,3% – «несельских». К числу последних были отнесены владельцы мелких капиталистических предприятий, скупщики и торговцы, не имеющие своего сельского хозяйства.

В районах потребляющей полосы общий удельный вес мелкокапиталистических хозяйств, особенно из «чисто сельской» группы, был несколько ниже среднего уровня (2,0–3,0%), в районах товарного земледелия, напротив, значительно выше: на Урале – 4,4%, на Северном Кавказе – 5,8%, в Сибири – 6,7%, на Дальнем Востоке – 7,0 %⁴⁵.

Любопытные сведения о социальной структуре деревни за 1924/25–1926/27 гг. представлены специальной комиссией Совнаркомом СССР по изучению тяжести налогового обложения населения, призванной в первую очередь определить численность и соотношение классов и классовых слоев в обществе.

Комиссия подготовила и опубликовала два обширных доклада о социальной структуре населения, его доходах, потреблении и платежах по

стране в целом и с подразделением населения на сельскохозяйственное и несельскохозяйственное⁴⁶.

При разработке проблемы классовой структуры комиссия опиралась на материалы демографической переписи 17 декабря 1926 г., подоходного налогового обложения, на данные крестьянских бюджетов 1925/26 г., весенних опросов и динамических гнездовых переписей. Сельскохозяйственное население страны было распределено на классовые группы: пролетариат, полупролетариат, мелкие товаропроизводители и предпринимательские элементы.

К группе сельскохозяйственного пролетариата были отнесены сроковые и постоянные рабочие в крестьянских хозяйствах и сельских обществах, в совхозах и лесном хозяйстве (включая лесорубов и сплавщиков без рабочего скота или без земли), рабочие рыбных промыслов, а также служащие совхозов и других сельскохозяйственных предприятий. Из рабочих крестьянских хозяйств и сельских обществ, учтенных статистикой труда, к пролетариату были отнесены «лишь те из них, продолжительность работы которых по найму не менее 4,5 месяцев». Полупролетарскими (бедняцкими) считались все хозяйства без посева и с посевом до десятины при наличии не более одной головы рабочего скота, все хозяйства без рабочего скота с посевом до 4,0 дес. и половина хозяйств без рабочего скота с посевом от 4,0 до 6,0 дес. Количественный рост рабочих, занятых в сельском хозяйстве, за годы новой экономической политики был достаточно заметным. Удельный вес рабочих в составе сельскохозяйственного населения поднялся с 3,3 до 3,9 %.

К предпринимательской группе относились хозяйства со средствами производства стоимостью свыше 1600 руб. при условии сдачи их в аренду или при условии использования наемного труда свыше 50 дней в году, затем хозяйства со средствами производства стоимостью от 801 до 1600 руб., если они пользовались наемным трудом свыше 75 дней в году, и, наконец, хозяйства со средствами производства стоимостью от 401 до 800 руб., нанимавшие рабочую силу свыше 150 дней в году.

Общая численность мелкокапиталистических хозяйств в 1927 г. составила около 1 млн. дворов. Удельный вес капиталистического слоя в составе крестьянства увеличился с 3,3 до 3,9% по числу дворов и с 4,3 до 5,2% по их населению, но экономические позиции этого слоя деревни были несравненно слабее, чем в дореволюционное время. Достаточно было первого же опыта сталинских «чрезвычайных мер» при проведении хлебозаготовок в 1928–1929 гг., как численность кулацких хозяйств, стала быстро сокращаться и составляла к концу 1929 г. не более 2,5–3,0 %⁴⁷.

Группа середняцких хозяйств (мелких товаропроизводителей) была

определена как остаток «за вычетом из цифр общей численности сельскохозяйственного населения группы пролетариата, бедняцкой группы и предпринимательской части крестьянства»⁴⁸. Средняцкие слои составляли основную массу крестьянства и не только не сокращались, как это происходит в условиях капитализма, а, напротив, с каждым годом все более и более возрастали. С 1925 по 1927 гг. количество середняцких хозяйств увеличилось на 600 тыс., а удельный вес повысился с 61,1 до 62,7%. Удельный вес средних слоев крестьянства в составе всего населения был еще более значительным (в 1926/27 г.—71,9%).

Рост кулацкой и батрацкой группировок являлся основным результатом процесса дифференциации крестьянства в период нэпа. Масштабной социальной эрозии подверглись не столько середняцкие, сколько бедняцкие слои крестьянства. Причем беднота не только пролетаризировалась. Видимо большая ее часть переходила в ряды середняков. С 1924/25 по 1926/27 г. удельный вес бедноты в составе хозяйств снизился с 25,9 до 22,1%, а в составе населения с 22,6 до 18,7%. Вместе с пролетарскими слоями они составляли не более 35,0% самостоятельного населения российской деревни.

Таким образом, в период нэпа процесс социального расслоения крестьянства — процесс образования в деревне предпринимателей и пролетариата — встречался с противодействующим ему процессом осереднячивания. Постепенно изменялись объективные условия функционирования и развития крестьянского хозяйства, а вместе с тем положение, возможности и перспективы каждого социального слоя деревни.

Во всех исследованиях социальных отношений на селе кулачество и полярная ему социальная группа батраков и бедноты вызывают особый интерес. В свое время С.Г. Ужанским было высказано мнение что «в результате первых лет революции произошло сплошное раскулачивание деревни»⁴⁹. Тем самым утверждалось, что зажиточный крестьянин в деревне есть кулак «новой формации», выраставший из среды бывших маломощных крестьян непосредственно в 1920-е гг.⁵⁰

Более справедливой выглядела позиция Ю. Ларина, который считал, что «нынешние кулаки — это главным образом остатки дореволюционных, сохранившихся частично, особенно в окраинных и многоземельных районах». По его подсчетам, в составе кулацких хозяйств было около 650 тыс. ставших таковыми еще до революции, т. е. почти 4/5 их общей численности в 1927 г.⁵¹

Как писал В.П. Данилов, — в массе своей кулачество 1920-х гг. вело свою биографию с дореволюционного времени — таким же было и тогда его положение в социальной структуре деревни. Впрочем, сказанное вер-

но и по отношению к основной массе бедняков и батраков. Лишь середняки в значительной части своей были действительно «новыми», выходящими главным образом из бедноты. Генетическая связь социальных слоев деревни 1920-х гг. и дореволюционного времени несомненна. Но столь же несомненны и важны изменения в положении этих батраков, бедняков, середняков и кулаков, связанные с революцией⁵².

Вопрос о социальных параметрах кулацкого хозяйства и о степени его воздействия на социальный облик русской деревни по-прежнему остается дискуссионным. Сибирский исследователь И. С. Кузнецов обращает наше внимание на полемику «Кого считать кулаком — кого тружеником», организованную в 1924 г. газетой «Беднота»⁵³. Обобщая содержание крестьянских высказываний в ходе этого обмена мнениями, заместитель ответственного редактора «Бедноты» М. Грандов отмечал, что деревня требует точного разграничения понятий «кулак» и «добросовестный труженик», с одной стороны, и понятий «бедняк-разгильдяй» и «бедняк по нужде», с другой.

В то же время в ходе дискуссии со всей остротой встал вопрос о сложности разграничения трудового и кулацкого хозяйства в условиях значительной социальной нивелировки деревни после революции. В целом ряде писем отмечалось, что крепкое хозяйство может иметь трудовой характер, а с другой стороны, «кулацкие устремления» иной раз проявляют небогатые по внешним признакам крестьяне. В связи с этим при определении понятия «кулак» участники дискуссии нередко делали акцент на политические, моральные, психологические критерии: «Может быть, сейчас у данного крестьянина хозяйство небольшое. Но это — раскулаченный кулак, у которого революция обрезала крылья. В политике он даже более свирепый враг революции».

Социальные обследования деревни 1920-х гг. внесли дополнительные нюансы в существо проблемы социальной дифференциации. В массе своей крестьяне не считали сами по себе размеры хозяйства, его зажиточность признаками кулачества. Весь вопрос, с их точки зрения, состоял в том, каким путем создано такое благосостояние⁵⁴. При этом крестьяне по-своему оценивали различные формы экономических отношений, официально считавшиеся признаками кулачества, — наем рабочей силы, сдачу инвентаря, аренду земли и т. д. Характерно в этом плане наблюдение, сделанное в ходе обследования Муромцевского района Омского округа в 1925 г. Обследование показало, что «в массе крестьян найм рабочей силы признаком кулачества не является, в связи с чем, нередко отрицается наличие кулаков»⁵⁵. Для понимания социальных взглядов крестьян весьма важно учесть, что распространенные формы отношений между зажиточ-

ными и неимущими хозяйствами рассматривались в деревне, прежде всего, с точки зрения «справедливости». Если крепкий мужик «по-божески» брал за пользование сельскохозяйственной машиной и соответствующим образом относился к наемным работникам, то он не считался кулаком.

В целом же массовое крестьянское сознание в понятие «кулак» чаще всего вкладывало в большей мере моральное содержание: под кулаком традиционно подразумевался стяжатель, жадный и жестокий мироед, закабалавший односельчан. Отношение к богатым односельчанам варьировалось в широком диапазоне от зависти, стремления самим достичь подобного статуса до сдержанной неприязни. Но никогда отношение к крепкому мужику, работавшему своими руками, не было однозначно негативным.

Интересна позиция деревни в определении социального облика бедняка. Одним из наиболее распространенных социально-психологических стереотипов крестьянства в те годы было мнение, что причиной бедности является лень, а бедняки представляют собой «лодырей», потому что настоящий труженик никогда не впадет в бедность.

Следует иметь в виду, что под общим понятием «беднота» нередко скрывались весьма различные социальные типы, которые и в своих психологических установках имели мало общего. И.С. Кузнецов, в частности, ссылается на материалы обследования хозяйств Родюкинского района Славгородского округа Сибири (1925 и 1927 гг.), согласно которым среди маломощной части сельского населения были выделены три существенно различные группы. Первую группу представляли полностью пауперизированные элементы – вдовы, сироты, инвалиды, отчасти беженцы из голодающих районов европейской России. Вторая группа – безинвентарные и беспосевные хозяйства, живущие продажей своей рабочей силы, смотрящих на себя как на вечных бедняков «по промыслу Божию». Наконец, третью группу составляли обычные крестьянские хозяйства, временно впавшие в бедность по тем или иным причинам⁵⁶.

Одна из попыток выявить количественное соотношение различных групп бедноты была предпринята в ходе обследования, проведенного Томским окружкомом в начале 1927 г., когда крестьянам специально задавался вопрос о «нравственном облике» имевшихся в деревне бедняков. Как выяснилось, из 106 обследованных крестьянских хозяйств 37 были представлены вдовами, инвалидами, стариками и т. п. 68 появились в результате раздела середняцких хозяйств, стихийных бедствий и других временных факторов. По мнению крестьян, лишь одно из имевшихся в районе обследования бедняцких хозяйств впало в бедность в результате лени и пьянства⁵⁷.

Анкетное изучение общественного мнения различных групп крестьянства в Воронежской губернии, проведенное в середине 1920-х гг., показало, что середняки относили к «лодырям» 8,7 % бедноты, сами же бедняки считали таковыми около 2 % данного социального слоя⁵⁸. По оценке В.А. Козлова подобные элементы составляли 2,0–5,0 % от численности бедняцкого слоя⁵⁹. И, наконец, по общему мнению крестьян, самым последним человеком в деревне являлся деревенский паупер – батрак.

Таким образом, социальное расслоение в нэповской деревне по своему характеру и масштабам соответствовало раннекапиталистическому этапу социальной трансформации. Развитые формы аграрного капитализма, имевшиеся в старой России, были разрушены в ходе революции 1917 г. В условиях национализации земли и установленных государством тесных рамок для деятельности зажиточных дворов они возродиться не могли. Капитализм, который сохранялся, а после перехода к нэпу стал расти, носил первоначальный, ранний характер. Это был еще специфически крестьянский капитализм, отличающийся нерасчлененностью социально-экономических связей и отношений, совмещением и переплетением натуральных и товарно-денежных форм, сохранением патриархальщины и связанной с нею кабальности.

В дополнение к сказанному отметим, что полученные современными исследователями результаты изучения хозяйственных параметров крестьянского двора 1920-х гг. свидетельствуют о том, что восстанавливающееся крестьянское хозяйство более органично воспроизводило натуральные, архаичные, нежели товарно-рыночные формы⁶⁰.

Анализ структуры социальных воззрений различных групп сельского населения в период нэпа, проведенный Д.Х. Ибрагимовой на основе писем из деревни в «Крестьянскую газету», позволил ей выделить 4 макротипа общественного сознания, присущего российской деревне.

Это, прежде всего «социальные экологисты» (59,2% от общего числа писем) – жители деревни, осознающие катастрофическую ситуацию в аграрной сфере и необходимость ее изменения, но только не радикально-революционным, а исключительно эволюционным путем. По числу приверженцев макротип являлся самым большим и включал в себя представителей всех категорий села. В ней 57,1% оказались крестьянами-единоличниками, 15,6% – членами производственных кооперативов, 2,6% – кустарями и ремесленниками, 2,6% – рабочими совхозов и госпредприятий, 6,5% – батраками, 1,3% – предпринимателями, 1,3% – председателями производственных кооперативов; освобожденные советские, партийные, комсомольские, профсоюзные работники, а также служащие и интеллигенция составляли по 6,5%.

Второй по численности приверженцев макротип (13,1% от общего числа авторов писем в редакцию) составили сторонники социально-ориентированной рыночной экономики. Примечательно, что среди сторонников гибкого государственного регулирования доля индивидуальных хозяев предстает максимальной: 82,4% от общего числа селян данной группы являлись крестьянами-единоличниками, 6, % – кустарями и ремесленниками (что больше, чем во всех остальных типах), тогда как рабочих совхозов, членов производственных кооперативов в ней не было.

Третий макротип составляли приверженцы активного государственного вмешательства в экономику (13,1% от общего числа авторов писем). 88% в составе анализируемой группы составляли разорившиеся, деклассированные элементы. Остальные же 12% являлись мелкими советскими служащими. Представителей этих двух категорий сельского населения объединила в один макротип общая, так сказать, «централистская» ориентированность их сознания, подразумевающая активное вмешательство государства как в производственную, так и в непроизводственную сферы аграрного сектора.

Четвертую группу, объединившую 14,6% от общего числа авторов писем, составили «активисты социалистических форм земледелия». С точки зрения социального состава подавляющее большинство селян данной группы (57,9%) являлись членами производственных кооперативов и рабочими совхозов, причем соотношение между ними выглядит как 4,5 : 1,0; 21,1% относились к категории освобожденных советских, партийных и комсомольских работников, 15,7% - к интеллигенции и лишь 5,3% были представлены крестьянами-единоличниками⁶¹.

Безусловно, выделенные Д.Х. Ибрагимовой четыре макротипа сознания селян не покрывают всего поля массовой рефлексии нэповских реалий, однако эти результаты позволяют аргументированно, а не гипотетически говорить о степени распространенности тех или иных настроений среди жителей села в условиях нэпа.

Таким образом, мировосприятие многомиллионных масс сельских жителей в 1920-х гг. определялось сложным комплексом противоречивых, неоднозначных факторов. С одной стороны на социально-психологический облик селян воздействовали стабильные, долговременные императивы, определявшиеся особенностями отличного от городского образа жизни, «моральной экономикой» деревенского существования и связанными с нею представлениями о должном и справедливом, вековыми общинными традициями. С другой стороны, на психологию жителей села влияли и новые социально-политический реалии, возникшие после революции. С введением нэпа действие этих факторов опосредуется рядом дополни-

тельных (весьма неоднозначных) импульсов. Все эти воздействия придавали сознанию селян сложный, «мозаичный» облик, что предопределяло и многовариантность тенденций его изменения⁶².

Как отмечает В.А. Надеждина, современные исследования российского социума свидетельствуют о том, что для настроений пролетарских и полупролетарских групп в деревне было характерно не просто нарастающее неприятие нэпа, а готовность поддержать его замену молниеносным рывком в «светлое будущее». Выдвижение и принятие на вооружение в 1925 г. в качестве главного партийного лозунга идеи «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране» как нельзя лучше соответствовали именно таким настроениям. И можно предположить, что именно эта идея была не просто прагматической реакцией приспособления к настроениям тех социальных сил, которые считались опорой большевистской власти, а важнейшим структурообразующим элементом новой ценностной системы национальной идентификации российского социума⁶³.

Известно, что социальные группы, игравшие в годы нэпа роль социальной базы режима по своим социокультурным установкам являлись маргинальными слоями деревни⁶⁴. Известно также, что со второй половины 1920-х гг. предпринимались немалые усилия по превращению низших слоев деревни в ее политический авангард. Оценивая такого рода ориентиры, подчеркнем, что малоимущие слои сельского населения нуждались в материальной помощи государства. Иное дело – стремление превратить маргинализованную, наименее культурную часть сельского населения в политического лидера. Это направление политики не могло быть перспективным. Не случайно бесплодными оказались многократные попытки вдохнуть жизнь в различные общественные формирования, объединявшие малоимущих (ККОВ, группы бедноты и т. п.).

В любом случае, попытки опереться в процессе модернизации на маргинальную среду, используя свойственные ей качества: повышенную агрессивность, готовность прибегнуть к силе и одновременно подчиниться государственному насилию, как правило, придают модернизационному процессу специфический характер инверсии модернизационных и традиционных ценностей, когда последние в известной мере приспособливают первые, а не наоборот, как это имело место в странах первичной модернизации⁶⁵.

ПОМЕЩИКИ

В исторической литературе довольно долго существовал стереотип (так до конца и не изжитый), носящий в большей степени идеологизированный характер, связующий в одно целое такие категории, как «помещик» и «частный владелец», что совершенно неправомерно. Среди частных земельных собственников были не только помещики, но и купцы, мещане, представители интеллигенции и, конечно же, крестьяне, причем их количество постоянно росло⁶⁶.

Между тем, еще в начале XX в. земские статистики вынуждены были отказаться от принципа сословного деления хозяйств как искажающего реальную картину. Согласно инструкции по производству сельскохозяйственной переписи 1917 г., к числу частновладельческих относились хозяйства «частных лиц и учреждений, владеющих 50 и более десятинами собственной удобной земли или имеющие такое же количество земли в обособленном сельскохозяйственном пользовании (как на праве собственности, так и на арендном или ином праве)». Таким образом, хозяйства помещиков входили в число частновладельческих хозяйств, но не являлись единственными и тем более определяющими содержание этой группы земельных собственников.

Следует признать, что впервые попытку отойти от сословного анализа предпринял А. М. Анфимов еще в 1966 г., отмечая, что в отечественной исторической литературе не преодолены попытки решить вопрос о характере аграрных отношений на основе того, кому принадлежала земля, т.е. по принципу сословной принадлежности. Историк поставил перед собой цель отойти от ошибочной концепции, но осуществить свой замысел ему не удалось. Сословный принцип превалировал в его рассуждениях, фактически подтвердивших расхожий вывод, что дворянство – наиболее консервативная и реакционная часть российского общества, предпочитавшая традиционные полукрепостнические формы хозяйствования⁶⁷.

Дворяне-помещики к 1917 г. утратили юридически все свои сословные права, их престиж, по мнению Б.Н. Миронова, уже не имел юридического базиса, а основывался главным образом на традиции и на покровительстве монарха и его правительства⁶⁸. Доля поместного дворянства в общей структуре дворянства неуклонно сокращалась, а само оно под воздействием реформы 1861 г. претерпевало серьезные изменения. Положив в основу критерий размера земельной собственности всех помещиков, можно разделить на три страты: мелкопоместное (от 1 до 109 га земли в собственности), среднепоместное (109–545 га земли) и крупнопоместное (свыше 545 га земли) (низшее, среднее, крупное), – см. таблицу 4

Таблица 4

Стратификация дворян-помещиков в 1861, 1877, 1895 и 1905 гг.
на территории 44 губерний Европейской России

Страта	1861 г.			1877 г.			1895 г.			1905 г.		
	а	б	в	а	б	в	а	б	в	а	б	в
Низшая	41	2,3	56	56,4	1,9	34	66,4	1,9	29	59,7	1,6	27
Средняя	35	12,9	369	33,4	8,3	249	29,2	7,2	247	25,6	6,4	250
Высшая	24	60,5	2521	22,9	58,5	2555	19,2	44,9	2339	16,0	40,0	2500

Примечание: а – число помещиков, входивших в данную страту (в тыс.); б – число гектаров земли, принадлежавших данной страте помещиков (в тыс.); в – средний размер имения помещика данной страты (в га); Распределение земли по стратам помещиков 1861 г. реконструировано на основании данных о распределении крепостных по этим же стратам.

Источник: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII– начало XX вв.). Т. I. СПб. 1999. С. 96.

Как отмечает Б.Н. Миронов, на протяжении всего пореформенного периода для всех групп помещиков было характерно сокращение земельных площадей, однако в большей мере сокращение затронуло среднюю и высшую страты. Всего дворянский земельный фонд за 1861–1905 гг. сократился на 58,0%. К 1917 г. обезземеливание дворянства зашло еще дальше: в 1906–1916 гг. дворянство потеряло в Европейской России еще около 29,0% земли, следовательно, дворянский фонд к 1917 г. в 44 сопоставимых губерниях составил около 34 млн. га и по сравнению с 1861 г. сократился более чем вдвое. При этом средняя величина имения у мелких помещиков неуклонно сокращалась, а у средних и у крупных помещиков была в основном устойчива. Земля постепенно переходила от дворянства в руки других сословий, прежде всего крестьянства.

С 1861 по 1905 г. среди дворян-помещиков процент мелких помещиков возрос с 41,0% до 59,0%, а средних – уменьшился с 35,0% до 25,0%, крупных – с 24,0% до 16,0%. После революции 1905–1906 гг. обнаружилось бегство богатых землевладельцев из деревни, в результате чего в 1916 г. доля средних помещиков упала до 18,0%, богатых – до 3,0%, соответственно доля бедных возросла до 79,0%⁶⁹. Обеднение дворянства при-

водило к тому, что большое число дворян превращалось в простых хлебопашцев, чиновников в городах или пауперизировалось. Только меньшей части помещиков удалось адаптироваться к новым условиям и войти в предпринимательскую элиту России⁷⁰. В начале XX в. помещичьи латифундии центральных и южных губерний России, наряду с крепкими крестьянскими хозяйствами, являлись основными поставщиками сельскохозяйственной продукции на рынок. В данной связи необходимо отметить, что в Сибири, нечерноземной полосе и в особенности на Европейском Севере России помещичья земля представляла собой сравнительно незначительный фонд, фактически находившийся в арендном пользовании крестьянства.

Изменение социально-экономического и правового положения слоя помещиков, прошедших испытание российской революцией 1917 г., характер их мироощущения и самоидентификации, их судьба в 1920-е гг., к сожалению, до сих пор не стали предметом пристального историографического анализа. Однако, каков бы ни был статус помещичьих земель, отношение крестьян к этому виду собственности было на редкость единодушным. Деревня усматривала в сохранении помещичьего землевладения величайшую несправедливость и требовала его ликвидации и передачи крестьянству на принципах трудового пользования. Таким путем предполагалось решить извечную проблему крестьянского малоземелья.

Пришедшее к власти в марте 1917 г. Временное правительство одной из своих главных задач поставило задачу подготовки проекта аграрного закона к предстоящему Всероссийскому Учредительному собранию.

Созданные на местах по инициативе Временного правительства земельные комитеты (губернского, уездного и волостного уровней) разрабатывали особые технологии выявления общественных взглядов на эту проблему. К примеру, в Вологодской губернии это был вопросник «К разрешению земельной реформы в Вологодской губернии». Вопросник заполнялся волостными земельными комитетами. Мнение населения выражалось на сходах сельских обществ. Мнения крестьян относительно помещичьих и иных владельческих земель были предсказуемыми, — требование стопроцентной национализации земли, ликвидации помещичьего хозяйства и распределение частновладельческой земли и инвентаря по уравнилельно-трудовой норме между крестьянами того или иного сельского общества⁷¹. По сути своей это было требование юридического заприятия данного вида собственности.

В такой ситуации помещик оказывался без правовой и политической защиты со стороны государства. Даже партия кадетов, считавшаяся выразительницей интересов помещиков, в 1917 г. сначала непоследовательно.

а потом и весьма категорично отказывала в праве на существование помещичьей частной земельной собственности. Во всяком случае, Земельный закон, принятый Всероссийским Учредительным собранием в январе 1918 г., признавал право на существование только трудового землепользования: «Право собственности на землю в пределах Российской республики отныне и навсегда отменяется. Права лиц и учреждений на землю, недра, леса и воды осуществляется только в форме пользования»⁷².

Большевицкий Декрет о земле 1917 г. и «Основной закон о социализации земли» 1918 г. ликвидировали частную собственность на землю, поэтому, на основании параграфа 1 Инструкции переходных мер по применению Основного закона бывшие помещики в принудительном порядке были повсеместно выселены из принадлежавших им имений. Начался процесс уничтожения целого класса. Правовым основанием для этой кампании по ликвидации помещичьих хозяйств, если вообще можно вести речь о праве применительно к революционной эпохе, служила «революционная целесообразность» и безапелляционное мнение крестьянского сообщества.

Можно сегодня сколько угодно сетовать и сожалеть по поводу разграбленных и расхищенных имений, распыленной земли, снижения агрокультуры в силу того, что наряду с надельными помещичьи земли поступали в принудительный и как правило примитивный трехпольный севооборот. Факт остается фактом. Помещичьи имения были конфискованы в течение 1918–1919 гг., большая часть конфискованных частновладельческих земель была распределена между крестьянами на уравнительных началах.

В эти же годы решилась и личная судьба большинства помещиков. В массе своей они утонули в пучине гражданской войны, либо эмигрировали из страны. Некоторая часть, лишившись земли, осталась на месте, получив землю в пользование на общих основаниях. Наркомат земледелия РСФСР своим Циркуляром от 16 сентября 1918 г. предоставил уездным земельным отделам право «оставить на месте тех бывших помещиков, кои своей деятельностью не проявляли контрреволюционных выступлений, но при условии ограничения их землепользования трудовыми нормами и обязательством вести хозяйство без наемного труда»⁷³. Реальная жизнь оказалась разнообразнее и сложнее всякого рода формальных правовых оснований.

Какое количество бывших помещиков подверглось «окрестьяниванию» в общероссийском и региональном масштабе еще предстоит выяснить. По отдельным предположениям, к середине 1920-х годов таких в стране насчитывалось 11,0–12,0% от общего их предреволюционного числа (в основном мелкопоместных помещиков)⁷⁴. В любом случае это

важно, так как в годы нэпа именно их судьба вновь станет предметом пристального внимания политических, административных и хозяйственных органов.

С одной стороны, на протяжении всех 1920-х гг. бывшие помещики сохраняли статус хозяйствующих субъектов и наравне со всеми членами сельского общества подлежали «действию всех постановлений Земельного Кодекса 1922 г., касающихся трудового землепользования»⁷⁵.

С другой стороны «эксплуататорское» прошлое автоматически лишало их многих политических прав и безусловных правовых гарантий.

Такое изначально двойственное положение бывшим помещикам в начале нэпа не казалось столь очевидным. Некоторые из них даже пытались возбудить вопрос о возвращении им конфискованных в ходе аграрной революции имений. Сказывалась, вероятно, уверенность в глубокой качественной либерализации нового экономического курса.

Большевицкое правительство сочло необходимым поставить все на свои места. 15 ноября 1922 г. был принят Декрет ВЦИК РСФСР «Об отклонении домогательств бывших помещиков о возврате отобранных имений», в котором подчеркивалось, что выселенные из имений помещики «утратили навсегда какие-либо права на свои имения и всякие домогательства их о восстановлении права на эти имения, полностью или частично, подлежат решительному отклонению»⁷⁶.

Этим же декретом воспрещалось отобрание земель у помещиков, которые после революции были наделены землей. Более того, указывалось на неправильность действий местных властей, которые своими распоряжениями выселяли бывших помещиков, получивших землю в трудовое пользование. Таким образом, законодатель до 1922 г. еще относил бывших помещиков к разряду «трудового населения».

Относительно мягкий период нэпа закончился для бывших помещиков очень рано. Уже на XI съезде Советов РСФСР 29 января 1924 г. А.И. Свидерский, отвечая на записки из зала почему не ликвидированы помещичьи владения, подчеркнул, что в этом вопросе «Рабкрин и НКЗ принимают самые крутые меры»⁷⁷. Как бы в продолжение его заявления 31 мая 1924 г. Наркомзем РСФСР направил в адрес своих уполномоченных, областных и губернских земельных управлений циркуляр «О предоставлении сведений о бывших частных землевладельцах (помещиках), оставленных в прежних их имениях». В циркуляре особо отмечалось, что «оставление бывш[их] помещиков в прежних их имениях» в 1918 году допускалось «лишь в виде исключения» и таким образом мера эта «не могла и не должна была иметь сколько-нибудь широкого распространения». Было подчеркнуто, что с опубликованием Земельного кодекса вся-

кого рода исключения в земельном пользовании потеряли свою силу. Наркомзем потребовал предоставить ему по определенной форме сведения о бывших помещиках, оставленных в прежних их имениях и тех «быв[ших] землевладельцев, коим были отведены земли ... вне пределов бывших их имений»⁷⁸.

30 августа 1924 г. в газете «Сельскохозяйственная жизнь», официальном органе НКЗ РСФСР, появилась статья «Землепользование бывших помещиков», подписанная инициалами В.Л. (возможно членом Коллегии НКЗ Ладисом). Формально статья носила характер инструкции к развернувшимся работам по земельной регистрации⁷⁹ но, наряду с указанным выше циркуляром, на наш взгляд, содержала программные установки по развертыванию репрессивной кампании против бывших помещиков.

Автор выделял два условия, создававших, по его мнению, права на землепользование: трудовой характер пользования, то есть применение личного труда и «закономерность». В связи с этим делался вывод о том, что «все землепользования бывш[их] помещиков, не обоснованные на постановлениях уездных земотделов и не получивших в той или иной форме санкций этих органов, с точки зрения земельного законодательства Республики являются незаконными. Землепользователи этой категории должны рассматриваться в качестве граждан, желающих получить землю для трудового использования, хотя бы в действительности они эту землю уже имели»⁸⁰.

С мая 1924 г. в Наркомат земледелия с мест стали поступать списки бывших помещиков. Дабы поторопить процесс ликвидации их хозяйств, нарком земледелия РСФСР А.П. Смирнов в ноябре 1924 г. направил в адрес низовых земельных органов приказ, в котором требовал: «... Ускорить работы по выселению бывших помещиков с тем, чтобы эта работа с уборкой урожая 1925 г. была закончена. При проведении этой работы руководствоваться следующим:

1. Всех бывших помещиков и крупных землевладельцев, пользующихся землей в бывших своих имениях единолично или в составе артелей и не оформивших своих прав, выселить в административном порядке.

2. Всех бывших помещиков и крупных землевладельцев, всеми правдами и неправдами оформивших свое право на землю, выселить из их бывших имений, используя для этого все имеющиеся в Вашем распоряжении средства.

3. Выселение не должно влечь никаких расходов и возмещений со стороны правительства.

4. Выселяемые в этом порядке земледельцы-кулаки могут быть вновь наделены землей лишь за пределами своих губерний.

Выселяемые бывшие помещики могут наделяться лишь через Наркомзем в тех губерниях республики, в которых не имелось поместных владений»⁸¹.

13 декабря при Управлении землеустройства и мелиорации и Госземимущества НКЗ была создана комиссия «по проверке прав землепользования бывших помещиков и других нетрудовых землепользователей». Решение комиссии о выселении стало претворяться в жизнь. Правда, на первых порах власти объясняют свои действия формальными правовыми основаниями.

С весны 1925 г. борьба против бывших помещиков окончательно приобретает характер политической кампании. 29 марта было опубликовано Постановление Президиума ЦИК СССР «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах». Особо не стесняя себя правовыми рамками, Центр обвинил всех бывших помещиков в разрушении доверенного им имущества, эксплуатации крестьян и самое главное «непримиримо-враждебном отношении» к большевистской власти. В Постановлении подчеркивалось, что «значительная часть бывших помещиков стала принимать активное участие в контрреволюционном движении и в продолжении 7 лет ведет в деревне явную и скрытую контрреволюционную агитацию против мероприятий советской власти, направленных к подъему крестьянского хозяйства, а равно использует и поддерживает пережитки старого режима – покорность и страх перед помещиком – в наиболее отсталых слоях крестьянства».

Тон Постановления был категоричен: «Бывшие помещики из дворян и их семьи лишаются права на землепользование и проживание в хозяйствах, принадлежавших им до издания декрета о земле 26 октября 1917 г., и ныне находящихся полностью или частично в их фактическом пользовании»⁸². Наряду с помещиками должны были быть выселены и бывшие землевладельцы «не из дворян», если будет доказан «кабальный характер их отношений с окрестным населением». Все мероприятия по выселению возлагались на исполнительные органы власти. Для урегулирования всех проблем должны были быть созданы междуведомственные комиссии (своеобразные «тройки») из представителей ОГПУ, земельных органов и прокуратуры.

4 мая 1925 г. состоялось совещание представителей Наркома земледелия РСФСР, ОГПУ, Наркомюста, НКВД по рассмотрению инструкции по применению постановления Президиума союзного ЦИКа⁸³. Принятая инструкция была оформлена в виде Декрета ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке выселения бывших помещиков и ликвидации их имущественных

отношений», который был утвержден 22 июня и уже 28 июня 1925 г. появился в печати. Выселение помещиков планировалось провести не позднее 1 января 1926 г. В первую очередь выселялись помещики из приграничных районов. Выселяемые сохраняли права на личное имущество, «предметы питания», урожай озимого посева 1924 г. и ярового посева 1925 г. Предусматривалась вероятность обжалования решений комиссий по выселению в вышестоящих инстанциях⁸⁴.

Сравнительно мягкие условия ликвидации бывших помещичьих хозяйств, с одной стороны и, фактическое отсутствие помещиков в СССР, с другой, не придали кампании ожидаемого эффекта. К примеру, заместитель заведующего Вологодского уездного земельного управления отмечал в своем отчете, что возможность обжалования решений комиссий по выселению, непомерно затянули выселение помещиков: «Все эти распоряжения: выселить, приостановить, оставить и обратно, безусловно, ставили места в недоумение. Население недовольствовало, а помещиков [ставило] на высоту своего положения. Отсюда вытекали следующие явления: ВИКи, получая различные распоряжения, относились к ним без должного внимания, ожидая, что поступит другое противоречивое распоряжение. Помещики, видя, как одного за другим оставляют по постановлению центра в своих имениях, начали подавать массовые заявления с протестами, а население, недовольствуя медленным ходом выселения, отмечали это на волостных съездах Советов»⁸⁵.

После того как сроки ликвидации хозяйств и выселения бывших помещиков были передвинуты до 1 августа 1926 г., ходом кампании заинтересовались центральные контролирующие органы. 18 сентября 1926 г. в ЦКК–РКИ был заслушан первый доклад сектора контроля по этой проблеме. 9 апреля 1927 г. – второй. Количество выселенных к этому времени составило по стране в целом 75%. 30 ноября 1927 г. Президиум ЦКК–РКИ после очередного отчета сектора контроля поручил соответствующим органам закончить выселение помещиков.

Кампания завершилась к 20 июня 1928 г. В 10 автономных республиках и губерниях, помещиков к тому времени не было, и кампания здесь не проводилась. В 38 губерниях РСФСР было выселено 3725 бывших помещиков из 10,7 тыс., находившихся на учете⁸⁶.

Таким образом, выселение бывших помещиков превратилось в 1920-е гг. в кампанию по уничтожению чуждой Системе социальной прослойки общества. Главной причиной, вызвавшей применение насилия в отношении бывших помещиков, являлось их «эксплуататорское» дореволюционное прошлое. Сам ход и идеологическое наполнение кампании послужили своеобразной базой для развертывания в последующем более

масштабной кампании по «ликвидации кулачества как класса». Помещичья страта сельского сообщества последовательно уничтожалась, само ее существование допускалось в советской России лишь на уровне маргинального слоя общества, не имеющего будущего и без всяких перспектив к саморазвитию.

ХУТОРЯК И ОТРУБНИКИ

Как известно, правительство, приступив в 1906 г. к осуществлению столыпинской аграрной реформы, сделало выбор в пользу насаждения фермерства и насильственного разрушения общины. Из общины вышло всего 2478724 домохозяина, или 22% всех крестьянских дворов. Они укрепили в личную собственность 14% общинной земли⁸⁷. По 48 губерниям Европейской России общее число крестьянских дворов во всех крестьянских обществах (на начало 1913 г.) равнялось 14,1 млн, из них владели наделом на общинном праве 10,6 млн дворов и на подворном — 3,5 млн. Общее число дворов, для которых испрашивалось установление личной собственности на землю, определялось в 4,7 млн. Как отмечает О.С. Поршнева, самый большой выход из общины отмечался в Поволжье и на юге Украины, где крестьянское хозяйство было сильнее связано с рынком. В Земледельческом Центре, северо-восточных и северных губерниях Европейской России выход крестьян из общины был минимальным, составляя менее 10,0%, а в некоторых губерниях — менее 1,0%. При этом только 26,6% вышедших из общины крестьян получили согласие схода, остальные 73,4% укрепили землю в личную собственность вопреки воле односельчан⁸⁸.

Столыпинская реформа вызвала широкую оппозицию в деревне, активное и упорное противодействие крестьян, которые в большинстве своем оказались привержены практике и традициям общинного землепользования, обеспечивавшего каждой семье относительно равные условия хозяйствования и гарантию физического выживания.

Составной частью столыпинской аграрной реформы была организация переселений крестьян за Урал, в северо-восточные губернии Европейской России, Среднюю Азию, Закавказье. Первоначально правительство планировало переселение в Сибирь прежде всего деревенской бедноты, у которой не было средств для выселения на хутор или создания собственного отруба, и лишь впоследствии перенесло центр тяжести на движение в Сибирь «крепкого» крестьянства. Крестьяне, прежде всего малоземельные, откликнулись на призыв правительства. За 1907–1914 гг. в Сибирь переселилось около 2,5 млн. крестьян, что в три раза превышало

численность переселенцев за предшествовавшие восемь лет. По подсчетам В.И. Проница за период с 1906 по 1910 гг. сельское население Сибири увеличилось почти на 35,0%, городское – на 55,6%⁸⁹.

В целом же за годы модернизации социально-демографическая ситуация в Сибири подверглась резким изменениям. Все население Сибири составляло в 1897 г. 6069,7 тыс. чел., в том числе сельское – 5601,9 тыс. чел. (92,3%), в 1914 г. население увеличилось до 10889,6 тыс. чел., в том числе сельское – до 9757,7 тыс. чел. (89,6 %) ⁹⁰.

Хуторские и отрубные дворы различались по своему правовому статусу. В большинстве своем это были частновладельческие хозяйства, «собранные» в один участок из надельных земель. Выделялась группа хуторов, образованных на купчих землях. Хутора, созданные в результате планового переселения избыточного населения за Урал также занимали особое правовое положение. Некоторая их часть была образована в малонаселенных районах Европейской России. Например, в Никольском уезде Вологодской губернии выходцами из прибалтийских губерний было образовано 1,5 тыс. хуторских хозяйств⁹¹.

Вопрос о хозяйственной самостоятельности и соответственно социальной самоидентификации хуторян был напрямую связан с процессом укрепления земли в личную собственность и землеустройством. Как правило, землеустроительные работы повсеместно запаздывали, а в течении Первой мировой войны почти прекратились. Упорное неприятие реформы крестьянами и активизация сопротивления ей были чреваты подрывом внутренней стабильности, что представляло особую опасность в условиях войны.

В отечественной историографии бытовало мнение, высказанное еще в 1920-е гг., что аграрная реформа Столыпина была приостановлена в связи с войной и в этот период не действовала⁹². Отдельные историки даже называли время прекращения землеустроительной политики. Так, С.М. Дубровский в одном случае указывал (дату 29 мая 1915 г., когда землеустройство было прекращено «в связи с обстоятельствами военного времени», в другом – 10 июня 1915 г., когда «землеустройство было приостановлено до окончания войны», и «в 1916 г. оно было почти прекращено»⁹³.

Судя по работам Н.Е. Хитриной Мировая война внесла ряд корректив в правовые основания реформы. затормозила ее проведение, но не отменяла вовсе⁹⁴. В 1915–1916 гг. правительством были приняты законы и положения, касающиеся ограничения и прекращения землевладения и землепользования всех подданных стран, воюющих с Россией, а также выходцев из этих стран. находящихся в русском подданстве⁹⁵.

2 декабря 1916 г. правительством были приняты «Закон об ограничении земель» и «Правила об ограничении земель», непосредственно подтверждающие то, что землеустроительная политика в годы войны не приостанавливалась⁹⁶. Закон от 2 декабря 1916 г. был направлен на защиту интересов собственников. Каждый собственник, а также селянин общества был вправе требовать отграничения своих владений от смежных владельцев на основании документальных актов удостоверяющих их право на данную землю. В результате чего на этих землях ставились межевые знаки, и право собственности на землю подтверждалось, при этом четко определялись границы земельных владений. Отграничение земель осуществлялось за счет владельцев, по просьбе которых проводилось⁹⁷.

С началом Второй русской революции в стране уже в марте 1917 г. отмечались выступления крестьян, направленные как на разгром помещичьих усадеб, так и раздел хуторов и удельных земель. К осени 1917 г. стихия «черного передела» затронула даже самые глухие селения. В этой ситуации эсеры и другие социалистические партии немедленно встали на позиции поддержки деревни, удовлетворения крестьянских нужд, настаивали на проведении через правительство законопроектов, направленных на сохранение неприкосновенности земельного фонда. В данной обстановке Всероссийское Временное правительство вынуждено было 1 июня 1917 г. принять постановление о разработке мероприятий по сохранению неприкосновенности земельного фонда до разрешения этого вопроса Всероссийским Учредительным собранием.

Проект «О мерах к сохранению неприкосновенности земельного запаса», разработанный В.М. Черновым, был доработан и утвержден Советом Главного земельного комитета 22 июня 1917 г. и внесен им на рассмотрение во Временное правительство⁹⁸. 28 июня 1917 г. Временное правительство приняло с небольшими изменениями этот проект, опубликованный под названием «О приостановлении действием некоторых узаконений о крестьянском землевладении и землепользовании, положения о землеустройстве, а также об упразднении землеустроительных комиссий»⁹⁹. Постановление было опубликовано в «Вестнике Временного правительства» через месяц 29 июля 1917 г.

В этот же день 28 июня 1917 г. от имени министерства земледелия в губернские и уездные землеустроительные комиссии было направлено отношение, в котором сообщалось, что во Временное правительство вносится законопроект о приостановлении законов от 14 июня 1910 г. о крестьянском землепользовании и от 29 мая 1911 г. о землеустройстве. В связи с тем, что землеустроительные комиссии должны были быть упразднены, им рекомендовалось передать все дела в губернский и уездные земельные комитеты¹⁰⁰.

12 июля 1917 г., было принято Постановление Временного правительства о запрещении земельных сделок до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием¹⁰¹. касающееся всех форм земельной собственности. Постановление было опубликовано 14 июля в «Вестнике Временного правительства». В преамбуле отмечалось, что Временное правительство принимало подобное решение «в целях прекращения земельной спекуляции, предотвращения фиктивных сделок, отягощения их закладными, продажи их иностранцам и т.п. земельных сделок», которые затрудняли распоряжение «наличным земельным фондом Учредительного собрания».

Таким образом, принятые 28 июня и 12 июля 1917 г. постановления Временного правительства, фактически отменяли столыпинское законодательство. В решении аграрного вопроса наступал новый этап.

Советское аграрное законодательство 1917–1919 гг., основанное на принципах безусловного упразднения частной собственности и уравнительного землепользования, не предreshало вопрос о формах землепользования. Реальная практика была такова, что в России уже в 1918 г. уравнительной переверстке стали подвергаться все хутора и отруба, а в последующем и хозяйства, созданные за счет расчисток и распахов в наделных и казенных дачах.

Противостояние общинников и частных владельцев земли в ходе аграрной революции завершилось полной победой идеи уравнительности. В жерновах уравнительного передела 1917–1921 гг. до 30,0 % крестьянских хуторов и отрубов пошли в общий раздел. Удельный вес хуторских хозяйств неуклонно снижался и к концу гражданской войны достиг столь ничтожных величин, что уже не влиял на показатели социального и экономического развития деревни. Наметилось своеобразное «окрестьянивание» аграрного производства, которое сопровождалось возвращением хуторян в общину и их исчезновением как самостоятельных субъектов хозяйствования.

Передача практически всех сельскохозяйственных земель в трудовое пользование крестьянства и их уравнительное перераспределение означали, во-первых, преодоление социально-экономического расслоения деревни, нивелирование крестьянских хозяйств, натурализацию производства, ослабление рыночных связей. Во-вторых, совершилось возрождение общины, и дальнейшее развитие системы поземельных отношений в стране было связано с абсолютным преобладанием общинного землепользования.

Сопоставление основных параметров сельскохозяйственного производства в хуторских и общинных дворах позволяет сделать вывод о сохра-

нении относительного преимущества хуторов над общинными дворами. Нивелирующее воздействие экономического кризиса периода Гражданской войны оказалось менее разрушительным для этих хозяйств. Будучи вовлеченными в водоворот уравнительного землепользования, хуторские семьи постоянно испытывали давление фискальной политики государства и общинной традиции, но при этом сохраняли некоторые черты социальной обособленности при неизбежной в тех условиях имущественной дифференциации. Хутора сохранили субъектный статус хозяйствующей единицы и сравнительно высокий шанс на возрождение при изменении экономической конъюнктуры.

Земельный кодекс РСФСР 1922 г., исходил из признания особых интересов и прав деревни, закрепил тем самым итоги, осуществленной крестьянством аграрной революции.

По сведениям на 1 января 1925 г. общий фонд земель сельскохозяйственного назначения в РСФСР составил 208562736 дес. В подавляющем большинстве сельскохозяйственные угодья находились в пользовании земельных обществ. Хуторские и отрубные земли составляли 4,0% от всех сельскохозяйственных угодий в России, – см. таблицу 5.

Таблица 5

Распределение земель сельскохозяйственного назначения
в РСФСР на 1 января 1925 г. (дес.)

Формы землепользования	Земельная площадь	
	Абс. (дес.)	Отп (%)
Общинная	184513109	88,5
Товарищеская	1806226	0,9
Отрубная	4552699	2,1
Хуторская	3920497	1,9
Учрежденный	1019372	0,5
Государственных земельных имуществ	12750833	6,1
Всей земли	208562736	100

Примечание: Таблица составлена на основе данных ЦСУ, 10 % переписи хозяйств 1922 г., отчетных ведомостей губернских земельных управлений о проведенных землеустроительных работах в 1922–1924 гг. и материалов От-

дела государственных земельных имуществ Наркомата земледелия РСФСР. В сводку не вошли сведения по автономным республикам.

Источник: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 7. Д. 2300. Л. 22 об.– 23.

Хутора и отруба относились к чисто сельскохозяйственным предприятиям и получили распространение в более южных районах страны, в которых земледельческое производство играло доминирующую роль в экономической жизни крестьян.

Крайнее малоземелье крестьянских хозяйств и при этом большая разбросанность земельных участков на большой территории (мелкополосица и дальнеземелье), характерные для «непроизводящих» лесных губерний России, служили серьезным препятствием для развития здесь участковых форм землепользования. Сведение в один клин земельных угодий и перенесение на этот участок жилья и хозяйственных построек было дорогостоящим делом и превращало ведение хуторского производства в невыгодное мероприятие.

Важно отметить, что свыше половины хуторов и отрубков, существовавших в стране к концу 1920-х гг. образовались в ходе аграрной реформы П.А. Столыпина и пережили бурный период аграрной революции. Понятно, что после 1917 г. поменялся юридический статус участкового земледелия, – из собственников земли хуторяне и отрубники превратились в пользователей государственной земли, а размер этой земли был приведен в соответствие с существующими передельными нормами. Тем не менее, в 1920-е гг. по числу землепользователей, при абсолютном преобладании общинных форм, хутора и отруба занимали в стране второе место. Земельные площади, занимаемые ими, неуклонно увеличивались, по крайней мере, до второй половины 1920-х гг. При этом участковое землепользование отличалось наибольшей стабильностью.

Структура угодий отрубных и хуторских дворов, так же как и в общине, включала в себя пашенный клин, сенокос, усадебные земли, а также выгонные, лесные и другие участки. Причем, если хутора, были полностью изолированы от земель общины, то при отрубной системе землепользования уголья общего пользования, как правило, не обособлялись. Правда, в силу и неупорядоченности поземельных отношений хуторские и отрубные земли могли полностью или частично входить в то или иное земельное общество.

Если участковое землепользование в составе общины представляло собой переходную ступень к полной индивидуализации, то изолированные от общины хозяйства являлись классическим примером такой индивидуализации.

Выдел на хутор в условиях национализации земли и отмены частной земельной собственности в значительной степени зависел от государственной политики в этом вопросе, всегда противившейся индивидуализации крестьянского землепользования, а также согласия земельного общества, которое шло на эту меру крайне неохотно. В итоге, выделение на хутора и отруба в 1920-е гг. по-прежнему являлось предметом ожесточенных споров и носило характер крайне острого социального конфликта. Исходя из данных специальной анкеты ЦСУ 1922 г. следует, что после аграрной революции 1917–1921 гг. большинство «миров» (68,5 %) противилось хуторскому выделу, что служило важной причиной, сдерживавшей рост участкового землепользования. В роли же потенциальных хуторян выступали зажиточные, но в большей степени бедняцкие и середняцкие хозяйства (84,5 %) ¹⁰²,

Тем не менее, вплоть до 1927/28 г., статистика отмечала постоянный рост участкового землепользования. В последующие годы роль отрубов и хуторов начинает повсеместно снижаться. Государственная политика в вопросах землепользования на протяжении 1920-х гг., как уже отмечалось, основывалась с одной стороны, на пресловутом «классовом подходе», который привел, в конце концов, к формированию своего рода «культы бедноты» в деревне, с другой, на уверенности в перспективности только лишь коллективных форм хозяйствования. Не случайно, поэтому, что вопреки провозглашенному принципу свободы форм землепользования, уже в октябре 1925 г. появился секретный циркуляр НКЗ РСФСР «О прекращении хуторских разверстаний», принятый в соответствии с установками комиссии ЦК РКП (б) по работе в деревне. Подчеркивалось, что «не только не может ставиться в качестве положительной задачи разверстание земель на хутора, как наиболее разобщающее землепользование и укрепляющее индивидуальное хозяйствование, но и должны быть принимаемы активные меры к прекращению дальнейшего хуторского разверстания и привлечению населения к иным формам землепользования, от которых переход к коллективам был бы наименее затруднен» ¹⁰³.

Указания сверху не замедлили сказаться в практике землеустроительных органов на местах. Судя по данным о землеустроительных работах по обустройству участкового землепользования (выдел и разверстание на хутора и отруба) на Европейском Севере РСФСР за период 1922–1929 гг., участковое землеустройство достигло своей высшей точки в 1923/24 г. В последующие годы объемы работ неуклонно сокращались. В 1926/27 г. обустроенная площадь хуторов и отрубов составляла лишь 52,3 % от уровня 1923/24 г.

Принятие в декабре 1928 г. Всесоюзным ЦИК закона «Общие нача-

ла землепользования и землеустройства» означало окончательный выбор курса на обобществление сельского хозяйства.

Сохраненный в законе принцип свободного выбора форм землепользования, превращался в фикцию. Все преимущества в земельном обустройстве отдавались колхозам. На фоне этой политики хуторяне и отрубники превращались в злейших врагов коллективизации. На повестку дня ставился вопрос об изживании хуторов, о «расхуторизации». 1929 год стал переломным годом в судьбе участкового землепользования.

При этом власти прекрасно осознавали социальные мотивы в вопросах индивидуализации землепользования. Например, в публикациях ответственных работников Северного краевого комитета партии и краевого земельного управления А.В. Люгина¹⁰⁴ и В. Страхова¹⁰⁵, отмечалось, что вполне «понятно стремление кулака отгородиться на хуторе от земельного общества, «отмежевать» свой надел в форме хутора или отруба, «закрепить» таким путем свое землепользование». По мнению В. Страхова, «можно понять и середняка, который тянется на хутор, желая силой индивидуального хозяйства создать благополучие, мечтающего дорасти до кулака. Во всяком случае, в том, что крестьянское кулацкое хозяйство тянется на хутор, нет ничего неожиданного и непонятного. Нет неожиданного в этой тяге и отдельных середняков, если среди них не велось работы по коллективизации». В. Страхов обвинял местные партийные кадры в абсолютно другом – в отсутствии борьбы «с отсталыми хвостистскими «настроениями деревни, в потворстве «собственническим индивидуалистическим устремлениям отсталой кулацкой части деревни», в искажении «классовой линии в земельной политике», разоблачал «ставку в этой политике «на крепкого хозяйственного мужика» («чей бы хлеб не был, лишь бы был»)¹⁰⁶.

Таким образом, частные формы землепользования, возродившиеся в либеральный период нэпа, по структуре и организации земельной территории отличались большим рационализмом и соответствовали в основе своей параметрам преимущественно сельскохозяйственного предприятия. Оказавшись классово-чуждым элементом в системе поземельных отношений, культивируемых властью, они первыми подверглись остракизму. Судьба участкового землепользования трагическим образом предвляла судьбу общинного землепользования в ходе массовой коллективизации деревни.

СЕЛЬСКОЕ ДУХОВЕНСТВО

Приходское духовенство являлось неразрывной частью сельского социума. Внутренняя стратификация этого сословия была связана с нерар-

хической системой Русской православной церкви. Исследователи выделяют такие социальные слои (по уровню материального достатка) внутри сословия как священники, дьяконы и причетники. С конца XIX в. численность духовенства увеличивалась и составила к 1913 г. 111 тыс. чел. В составе причта произошли позитивные изменения, – более половины составляли священнослужители, обладавшие повышенным социальным статусом и материальным достатком (45,0% – священников, 14,0% – дьяконов, 41,0% – причетников)¹⁰⁷. Доходы духовенства зависели от многих факторов, и в не малой степени от общего уровня материальной обеспеченности населения (доходности приходов).

Сельский причт в целом был беднее городского, но это неравенство было умеренным. По уровню доходов духовенство уступало дворянству, а сами доходы более равномерно распределялись как между отдельными группами духовенства, так и между отдельными причтами, как в городе, так и в деревне.

Между отдельными стратами белого духовенства существовали довольно значительные перемещения, вследствие чего духовная служба также строилась в значительной мере на традиционном иерархическом принципе с продвижением по служебной лестнице. Статус не являлся жестко наследственным, но уровень мобильности представителей разных страт был различным. Самыми мобильными были дети дьяконов, затем – священников и, наконец, причетников, что определялось полученным образованием: семинарское или академическое образование почти гарантировало получение места священника. Но священникам и дьяконам, материально лучше обеспеченным, дать своим детям образование было легче, чем причетникам, поэтому и мобильность церковнослужителей была минимальной. В результате церковных реформ 1860-х гг. мобильность внутри духовенства возросла ввиду огромного оттока детей духовенства с образованием¹⁰⁸. Позитивный процесс размыкания сословных рамок и превращения белого духовенства из замкнутого сословия в духовную профессию завершился в начале XX в.

Однако жизнь сельского духовенства и его социальный статус во многом определялся традицией и характером взаимоотношений с пастырой. Степень морального авторитета духовенства в деревне сохранялась на традиционно высоком уровне, но в то же время усиливающаяся социальная мобильность деревни, рост миграционных процессов, отходничества, промыслов, новые социально-экономические процессы, постепенное распространение образования приводили к ослаблению влияния на крестьянство патриархально-религиозных общинных традиций, способствовали распространению религиозного индифферентизма. непочте-

нию к священнослужителям, несоблюдению религиозных предписаний, особенно отчетливо проявившегося в начале XX в. в среде сельской молодежи¹⁰⁹.

Задачи модернизации аграрной подсистемы выявили насущную потребность выработки идеологии реформ и, самое главное, привития ее населению. Духовенство могло бы стать проводником этой идеологии, но, к сожалению, власти ничего не сделали в этом направлении. Нужда, низкий уровень образования сельского духовенства, отсутствие автономии и широкого самоуправления прихода, неспособность церкви играть самостоятельную роль в общественной жизни препятствовали развертыванию религиозной и социальной деятельности священнослужителей, требуемых временем. Крестьяне воспринимали священников как представителей власти и переносили на них свое недовольство существующим положением. Это в свою очередь снижало возможность влияния церкви на массы в условиях революционных потрясений начала XX в.

С другой стороны, между населением и причтом постепенно назревал конфликт в земельных вопросах. Монастырские и церковные земли использовались крестьянами на арендном праве. В условиях катастрофического малоземелья данное обстоятельство побуждало крестьян заявить свои права на эти угодья. Требования об отобрании церковных и монастырских земель содержались в 550 приговорах и наказах крестьян, направленных царю, Государственной думе и другим учреждениям в годы первой русской революции 1905–1907 гг.¹¹⁰ Аграрная революция 1917 г. окончательно поставила крестьянство и духовенство в ситуацию противостояния. Разбудившая самые архаичные формы крестьянского поведения и общинного сознания, она привела к существенным изменениям в аграрном строе страны. В жерновах «черного передела» полностью исчезли все частные формы владения землей.

Юридической основой взаимоотношений большевистского государства и Церкви стал Декрет СНК о свободе совести, церковных и религиозных обществах, принятый 20 января (2 февраля) 1918 г. Декрет осуществил отделение Церкви от государства, национализацию церковного имущества и поставил Русскую православную церковь в жесткие рамки всеческих запретов и ограничений. Отныне она теряла права юридического лица, лишалась собственности и права ее приобретать.

25 января 1918 г. Поместный собор Русской Православной церкви дал следующую оценку этому декрету: он «представляет собой, под видом закона о свободе совести, злостное покушение на весь строй жиз-

ни Православной церкви и акт открытого прогив нее гонения». Возник резкий конфликт между государством и церковью, который на местах усугублялся бесконтрольными действиями безбожников всех мастей, не только истинных атеистов, но и разнузданных грабителей, а порою и провокаторов. Вскоре последовали террористические акции, невинными жертвами оказались тысячи священнослужителей. Общее число жертв среди духовенства и мирян, стоявших вне Гражданской войны, с октября 1917 г. по конец 1921 г. превысило 10 тыс. человек. Сюда не входят священники, погибшие в рядах белого движения.

Репрессии не ослабли и после послания патриарха Тихона от 25 сентября 1919 г. «О прекращении духовенством борьбы с большевиками». Проведение его в жизнь приобрело односторонний характер: священники исполняли свой духовный долг, отвергая все, что противоречило патриаршему посланию, а советская власть травила их, глумилась над ними и паствой. Для борьбы с Церковью и духовенством власть не чуралась никаких средств. В начале 1920-х гг. чекисты стимулировали деятельность обновленческого движения, сформировавшегося в Русской Православной церкви еще в дооктябрьские времена (его возглавляли священники А. И. Введенский и А. И. Боярский). Созданная в начале мая 1922 г. «Живая церковь» негласно поощрялась государственной властью, официально заявлявшей о своем невмешательстве во внутрицерковные дела. Целью этой политики являлось расчленение Православной церкви на враждующие между собой группировки, в результате чего она перестала бы быть силой, духовно противостоящей большевистской диктатуре.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. насчитывала в сельской местности 60,9 тыс. служителей различных религиозных культов, в том числе 51,6 тыс. православных священнослужителей и церковнослужителей, для которых отправление культа было главным занятием, и 27,0 тыс. (в том числе православных – 16,4 тыс.), для которых отправление культа было побочным занятием¹¹¹.

Как уже отмечалось выше, по Конституции 1918 г. духовенство и клирики были лишены избирательных прав или ограничены в отдельных политических и гражданских правах. Наряду с ними категорию «лишенцев» составляли: лица, использующие наемный труд в целях извлечения прибыли; лица, живущие на нетрудовые доходы (проценты с капитала и т.д.), частные торговцы и посредники; служащие и агенты полиции и жандармерии, а также крупные царские чины, офицеры и генералы; душевнобольные и лица, состоящие под опекой; осужденные

по приговорам суда.

Вместе с тем Конституция 1918 г. заложила основу для дальнейшего произвола в толковании мотивов лишения избирательных прав, введя широкую формулировку: «лишать отдельных лиц или группы прав, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции».

Во второй половине 1920-х гг. численность лишенцев возросла, а состав усложнялся. Лишение избирательных прав выполняло следующие функции: превентивную (предотвратить возможное усиление позиций и влияния в обществе тех или иных групп, потенциальных или реальных противников большевизма); проведения искусственного структурирования общества (как часть политики деления общества на своих сторонников и противников); установления поэтапного тотального контроля над основной частью общества; привлечения к проведению мер ограничительно – дискриминационного характера (соучастие) социальных низов; поддержания в обществе атмосферы раскола и конфронтации – поддержание психологии агрессии в отношении бывших привилегированных сословий и корпораций.

В 1926 г. избирательное законодательство пошло дальше по пути его ужесточения. В состав «лишенцев» попали не только те, кто использует наемный труд на данный момент, но и те, кто использовал наемный труд или жил на нетрудовые доходы до революции. Кроме того, в число «лишенцев» стали включать членов их семей. Это означало, что «лишенчество» эволюционировало в сторону наследственного дискриминируемого слоя советского общества и привело к стремительному увеличению численности, которое достигло своего пика к началу 1930 г. См. таблицу 6.

При анализе общесоюзных данных, помещенных в таблицу, бросается в глаза обстоятельство, что за 1926–1929 гг. резко увеличилась группа «лишенцев», принадлежавших к категориям «бывших» (священнослужители, бывшие чины полиции, офицерство и т.д.), хотя по логике их численность в послереволюционное время не должна была увеличиваться. Объяснение этому находится в изменении принципов подхода к составу этой категории населения: например, в число священников по новым инструкциям стали причислять тех, кто не имел священного сана, – хористов, церковных старост и т.д. За этими мерами прослеживалась четкая цель – изолировать церковь, карая за связи с нею мирян и другие социальные группы общества.

Численность «лишенцев» различных категорий
в СССР в 1926–1929 гг.

Категория	1926 г.		1927 г.		1929 г.	
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
Использующие наемный труд	37282	3,8	265521	8,8	324057	8,7
Живущие на нетрудовые доходы	143852	13,8	185639	6,2	256624	6,9
Торговцы и посредники	423340	43,3	747829	24,8	802063	21,7
Священнослужители и монахи	148145	15,2	249987	8,3	282835	7,6
«Бывшие» офицеры, чины полиции и др.	87877	9	195028	6,5	200417	5,4
Осужденные по суду	51928	5,3	139452	4,6	140909	3,8
Умалитенные и опекаемые	30067	3,1	70660	2,3	72067	2
Члены семей «лишенцев» (более 18 лет, иждивенцы)	63263	6,5	1161181	38,5	1628816	43,9
ВСЕГО	985754	100	301529	100	3707788	100
Доля «лишенцев» от общей численности избирателей, %	1,63		4,27		4,89	

Священнослужители превратились в особо дискриминированную группу. Даже демонстративное (часто в угоду властям) отречение от сана не гарантировало бывшим священникам автоматического восстановления в правах. Участь отречшихся от сана была незавидной: потеряв устойчивый источник для существования, бывшие священники, люди, как правило, старшего и среднего возраста, были вынуждены искать средства к существованию через биржи труда, которые направляли их, согласно инструкции, только на тяжелые физические работы.

Таким образом, в обществе, где статус человека определялся не только и не столько экономическими факторами, а в немалой степени наличием или отсутствием гражданских и политических прав и свобод, «поражение» в избирательных правах становилось одним из важнейших

признаков социальной стратификации общества.

Для «лишенцев» потеря прав становилась индикатором их маргинальности, выпадения из общественной среды и началом более глубокого погружения на «дно» социальной структуры.

Постановление ВЦИК СССР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. и октябрьская (1929 г.) инструкция НКВД вводят обязательную регистрацию религиозных объединений и их членов. Местные органы власти могли отказывать в регистрации и тем, и другим без каких-либо объяснений. Церковная жизнь ограничивалась только богослужениями в стенах храмов. Ввиду отсутствия у Церкви прав юридического лица договоры о ремонте церковных зданий могли заключаться только индивидуально с членами приходов, которые попадали под статью о частном предпринимательстве, что влекло за собой резкое повышение налогообложения. С 1930 г. они отдавали в казну 75,0% своих «нетрудовых доходов», к которым была причислена и плата за отправление культа.

Параллельно развернулась широкая кампания за вступление граждан в ряды Союза воинствующих безбожников (СВБ – массовая организация, просуществовавшая с 1925 по 1947 гг., руководимая Е. М. Ярославским и насчитывавшая в 1930-е гг. 96 тыс. первичных ячеек на местах).

Уничтожение религии в СССР привело к тяжелым последствиям. Нравственный и интеллектуальный уровень населения стремительно снижался¹¹². Выжившее в невыносимой атмосфере духовенство и церковнослужители стали частью масштабного дискриминируемого сообщества страны и перестали оказывать сколь либо значительное воздействие на сельский и городской социум страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Модернизация социальных отношений в России начала XX в. значительно изменила природу российского общества. Завершался процесс трансформации сословной структуры. Юридические формы сословного деления исчезли. Процесс превращения сословий в классы, однако, не завершился. В первую очередь это касалось сельского социума, в котором преобладающее положение занимало крестьянство. Наряду с ним деревенское сообщество составлял слой частных земельных собственников, включавший не только помещиков, но и кушцов, мещан, представителей интеллигенции и, конечно же, крестьян (подворников, хуторян, отрубников), причем их количество постоянно росло. Весьма незначительную часть деревенского сообщества составляли интеллигенция, духовенство, наемные рабочие и др.

Характер взаимоотношений внутри деревни отличался нарастающей конфликтностью между крестьянством и слоем земельных собственников. Под воздействием чрезвычайных обстоятельств наметились тенденции секуляризации религиозного сознания и деформации традиционных ценностей (монархизм и патриотизм) аграрного общества. В то же время крестьянство сохраняло устойчивую привязанность к сословной общности – крестьянской общине. Аграрная модернизация П.А. Столыпина не разрушила сельскую общинность. Более того, закрепляя за общиной юридические права на землевладение, реформа П.А. Столыпина содействовала ее сохранению.

В 1917 г. на смену самодержавию пришел режим, выдвинувший перед обществом грандиозные модернизационные задачи: создание принципиально нового социалистического типа общества, материальной базой которого должна была стать индустриальная, самая передовая для своего времени экономика. Революция и Гражданская война в России 1917–1921 гг., вела к укреплению традиционной ментальности и общинных форм организации сельского общества. Развитые формы аграрного капитализма, имевшиеся в старой России, были разрушены. Крестьянство усилило свои позиции, возродив сословные формы самоорганизации.

Торжество социальной и экономической архаики определяли дальнейшие процессы социальной трансформации российской деревни. Возродившийся в годы нэпа капитализм был специфически крестьянским капитализмом, отличавшимся нерасчлененностью социально-экономических связей и отношений, переплетением натуральных и товарно-денежных форм, сохранением патриархальщины и связанной с нею кабальности.

Сохранились за редкими исключениями и другие социальные группы. Только к концу 1920-х гг. был ликвидирован слой бывших помещиков, наметилась тенденция наступления на хуторян и отрубников, стало подвергаться остракизму духовенство и т.д. Провозглашенный властями в середине 1920-х гг. курс на ускоренную модернизацию страны опирался на довольно тонкую прослойку деревенского общества в лице партийных функционеров, пауперов, части середняков, мелких советских служащих, работников совхозов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 26–32.

² Надеждина В.А. Нэповская Россия в зеркале социальной истории // Отечественная история. 2007. № 4. С. 149.

³ Мельянцев В.А. Экономический рост России в сравнительно-ретроспективном ракурсе (XVIII – нач. XX в.) // Вопросы истории экономических и политических отношений России (XVIII в. – начало XX в.) М., 1996. С. 14–15.

⁴ Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998. С. 40.

⁵ Мельянцев В.А. Указ. соч. С. 15–16.

⁶ Красильщиков В.А. Указ. соч. С. 40.

⁷ См. подробнее: Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917–1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар, 1996.

⁸ Наумов В.П. О понятийном аппарате историко-революционной эпохи // 1917 год в исторических судьбах России. Научная конференция. Проблемы истории Февральской революции. Материалы первой сессии. Февраль 1992 года. М., 1992. С. 22.

⁹ Как отмечал М.М. Горинов: «На базе государственного социализма Россия смогла решить ключевые задачи индустриальной фазы универсального (общечеловеческого) процесса модернизации», – см. подробнее: Историческое значение нэпа. Сб. науч. трудов. М., 1990. С. 6.

¹⁰ См. подробнее: Овчинцева Л.А. Русские экономисты-аграрники начала XX в. о хозяйственной мотивации крестьян // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. М., 1993. С. 87–98.

¹¹ См. подробнее: Галас М.Л. Вопросы истории и теории крестьянского хозяйства в трудах А.Н. Челинцева и Н.П. Макарова: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

¹² Чайнов А.В. Краткий курс кооперации. М., 1915; Он же. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М., 1919; Он же. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925; Очерки организации сельского кустарно-ремесленного хозяйства. М., 1926.

¹³ Макаров Н.П. Организация сельского хозяйства. М., 1927. С. 43–44.

¹⁴ См. подробнее: Бруцкус Б.Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922; Данилов В.П. Л.Н. Литошенко и его исследование аграрной революции в России. Предисловие к книге Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2002. С. 7–45; Роголина Н. Л. Борис Бруцкус

– историк народного хозяйства России. М., 1998.

¹⁵ Литошенко Л.Н. Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. М., 1923. С. 24.

¹⁶ Гордон А.В. Типология семейного хозяйствования в крестьяноведении (90-е годы XIX в. – 90-е годы XX в.) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 3. М., 1999. С. 14.

¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 228.

¹⁸ Анисимов Я.А., Верменичев Н.Д., Наумов К.И. Производственная характеристика крестьянских хозяйств различных социальных групп. М.; Л., 1927; Сулковский М. Классовые группы и «производственные типы» крестьянских хозяйств. М., 1930; Он же. Доходы, их образование и использование в различных классовых группах крестьянских хозяйств // На аграрном фронте. 1929. № 7.

¹⁹ См.: Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 81.

²⁰ Хромов П.А. Экономическая история СССР. М., 1982. С. 206.

²¹ Миронов С.Б. Указ. соч. С. 128–129.

²² Поршнева О.С. Указ. соч. С. 59–76, 82

²³ Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева 1906–1922 годы // Тотьма. Краеведческий альманах. Вып II. Вологда, 1997. С. 412.

²⁴ Поршнева О.С. Указ. соч. С. 100–103.

²⁵ Саблин В.А. Первая мировая и Гражданская войны в восприятии крестьян Европейского Севера // Вологодская область в годы Великой Отечественной войны: уроки прошлого и опыт настоящего. Сб. материалов научно-практического семинара 21 июня 2002 года. Вологда, 2002. С. 60.

²⁶ Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 319; Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 100.

²⁷ См. Саблин В.А. Первая мировая и Гражданская войны в восприятии крестьян Европейского Севера // Вологодская область в годы Великой Отечественной войны: уроки прошлого и опыт настоящего. Сборник материалов научно-практического семинара 21 июня 2002 года. Вологда, 2002. С. 61.

²⁸ Там же.

²⁹ 1 июня был опубликован «Наказ о производстве выборов волостных земских гласных», 17 июня – «Наказ уездным земским учреждениям о применении временных правил о производстве выборов губернских и уездных земских гласных», 1 июля – «Наказ о производстве выборов земских гласных в губернии Архангельской и Сибири». До мест эти указы дошли значительно позже, что замедлило проведение реформы, – см.: Лаптева Л.Е.

Земские учреждения в России. М., 1993. С. 123.

³⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 73.

³¹ Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С. 137–140.

³² Орлово И.Б. Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. М., 1999. С. 110–111.

³³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 282, 285.

³⁴ Там же. С. 158.

³⁵ Там же. Т. 44. С. 158.

³⁶ Там же. Т. 43. С. 59, 70; Т. 44. С. 215.

³⁷ Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997. С. 102.

³⁸ В 1926/27 г. на территории РСФСР самостоятельный бюджет имели лишь 1815 сельсоветов (3,2 %). Общая сумма их бюджетов составляла 15,6 млн. руб., тогда как бюджет земельных обществ исчислялся в 70–100 млн. руб., – см. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М. 1977. С. 105.

³⁹ Кудюкина М.М. Органы управления в деревне: сельсовет и сход. 1926–1929 гг. // Историческое значение нэпа. С. 109–128.

⁴⁰ Куренышев А.А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2000. С. 197.

⁴¹ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (далее – СУ РСФСР). 1922. № 10. Ст. 92. § 21; Ст. 93. § 12.

⁴² См. подробнее: Данилов В.П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Ежегодник по аграрной истории. Выпуск VI. (Проблемы истории русской общины). Вологда, 1976. С. 118–130.

⁴³ СДЗЗ. С. 306.

⁴⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Окончательные итоги. В семи отделах (сериях), 56 томах: М., 1929. Т. VII. С. 2–3; Т. IX. С. 2–13.

⁴⁵ См.: Сельское хозяйство СССР 1925–1928 гг. Сборник статистических сведений к XVI Всесоюзной партконференции. М., 1929. С. 52–53, 154–155.

⁴⁶ Доклад комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения отдельных социальных групп населения СССР в 1924–1925 гг. и 1925–1926 гг. М., 1927; Тяжесть обложения в СССР. Социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг. Доклад комиссии Совета Народных Комиссаров Союза ССР по изучению тяжести обложения населения Союза. М., 1929.

⁴⁷ Данилов В.П. Феномен первых пятилеток // Горизонт. М., 1988. № 5.

С. 28–38; Данилов В., Лельчук В., Ненароков А. Со старых позиций // Коммунист. 1989. № 1. С. 119.

⁴⁸ О методике определения общей численности социальных групп деревни см. подробнее: Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979. С. 312–330.

⁴⁹ Ужанский С. Г. Дифференциация деревни. М.: Л., 1928. С. 39.

⁵⁰ Отметим, что такого же мнения придерживался еще конце 1980-х гг. академик ВАСХНИЛ В.В. Тихонов, который утверждал, что в годы революции и Гражданской войны, в ходе расправы с кулацкими «бунтами», широкого применения антикулацкого законодательства и перераспределения земли между крестьянами, «кулак» исчез, – см.: Тихонов В. Чтобы народ прокормил себя // Литературная газета. 1988. 3 августа.

⁵¹ Ларин Ю. Дореволюционные остатки в современном кулачестве // Большевик. 1927. № 22. С. 54; Он же. Сельскохозяйственный пролетариат СССР. М.; Л. 1927. С. 6, 54.

⁵² Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения ... С. 325.

⁵³ Кузнецов И. С. Богатые и бедные: взгляды сибирского крестьянства 1920 х гг. на социальные различия // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История. Новосибирск. 2002. С. 55–62.

⁵⁴ Деревня при нэпе. Кого считать кулаком – кого тружеником. Что говорят об этом крестьяне. М., 1924. С. 6.

⁵⁵ Кузнецов И. С. Указ соч. С. 49–53.

⁵⁶ Материалы обследований сибирской деревни. Родинский район Славгородского округа. Новосибирск, 1927. С. 10.

⁵⁷ Кузнецов И. С. Указ соч. С. 47.

⁵⁸ Воронежская деревня. Вып. 1. Слобода Ровеньки. Воронеж, 1926. С. 20–22.

⁵⁹ Козлов В. А. Культурная революция и крестьянство. 1921–1927 (по материалам Европейской части СССР). М., 1983. С. 148.

⁶⁰ Рогалина Н.Л. Аграрные реформы в России 10 – 20-х годов (историко-сравнительный анализ) // Россия в XX веке: Реформы и революции: В 2 т. Т. 1. М., 2002; Щагин Э.М. Альтернативы «революции сверху» в советской деревне конца 1920-х годов: суждения и реальность // Власть и общество России. XX век. Сб. науч. трудов. М.: Тамбов, 1999 и др.

⁶¹ См. Ибрагимова Д.Х. Нэп и перестройка; массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997. С. 96–105.

⁶² Ибрагимова Д.Х. Указ. соч. С. 105.

⁶³ Надеждина В.А. Указ. соч. С. 155.

- ⁶⁴ Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1993. С. 61.
- ⁶⁵ Надеждина В.А. Указ. соч. С. 156.
- ⁶⁶ Кочешков Г. Н. Российские землевладельцы в 1917 году. Ярославль, 1994. С. 4.
- ⁶⁷ Анфимов А.М. Некоторые вопросы организации экономики крупного помещичьего хозяйства в России (кон. XIX – нач. XX вв.). М., 1966. С. 2–28.
- ⁶⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX вв.). Т. 1. СПб. 1999. С. 95.
- ⁶⁹ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 96–97; Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987. С. 36.
- ⁷⁰ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 98.
- ⁷¹ Саблин В.А. Важный источник для изучения крестьянских представлений о решении аграрного вопроса в России // Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVII съезда КПСС. XXI сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. Казань. 22–25 октября 1986 года. М., 1986. С. 114.
- ⁷² Учредительное собрание. Россия. 1918 г. Стенограмма и другие документы. М., 1991. С. 158.
- ⁷³ СУ РСФСР. 1918. № 25. Ст. 346.
- ⁷⁴ Шмелев Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М., 2000. С. 87.
- ⁷⁵ СУ РСФСР. 1922. № 76. Ст. 946.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Сельскохозяйственная жизнь. 1924. №5. С. 8.
- ⁷⁸ Сельскохозяйственная жизнь. 1924. № 24. С. 23–24. Местным земельным органам предлагалось составить особый список с указанием фамилий бывших владельцев, количества едоков, трудовой земельной нормы в данном регионе, размера полученного земельного участка, количества жилых и хозяйственных построек, скота, сельскохозяйственных орудий и инвентаря, переданных в пользование вместе с землей, названия органа, сделавшего распоряжение о передаче земли бывшему помещику, сохраняет ли землепользование трудовой характер.
- ⁷⁹ Земельная регистрация в 1920-е гг. проводилась на основе Земельного кодекса РСФСР и принятой в развитие его положений инструкцией НКЗ от 27 июля 1923 г. – см. подробнее.: Кологинская Е.Н. Правовые основы советского земельного кадастра. Ч. 1. М., 1974. С. 91–142.
- ⁸⁰ Сельскохозяйственная жизнь. 1924. № 36. С. 5–6.
- ⁸¹ Цитировано по: Шмелев Г.И. Указ. Соч. С. 87–88.
- ⁸² Постановление было принято 20 марта 1925 г., – см.: Собрание за-

конов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (далее – СЗ СССР). 1925. № 21. Ст. 136.

⁸³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 7. Д. 3164. Л. 36.

⁸⁴ СУ РСФСР. 1925. № 44. Ст. 328.

⁸⁵ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 267. Оп. 1. Д. 1676. Л. 10.

⁸⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 374. Оп. 27. Д. 107. Л. 19–21.

⁸⁷ Герасименко Г.А. Противодействие крестьян столыпинской аграрной политике // История СССР. 1984. № 3. С. 139; Дубровский СМ. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975. С. 191.

⁸⁸ Поршнева О.С. Указ соч. С. 71.

⁸⁹ Пронин В.И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX в. // Город и деревня Сибири в досоветский период: Бахрушинские чтения 1984 г. Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1984. С. 93–94.

⁹⁰ Пронин В.И. Указ. соч. С. 94.

⁹¹ См. подробнее: Саблин В.А. Хуторские хозяйства на Европейском Севере в годы Гражданской войны // Зажиточное крестьянство в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 263–265.

⁹² Бруцкус Б.Д. Аграрная эволюция и аграрная политика России ... С. 79.

⁹³ Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 243, 307, 561. Иногда называют и дату 28 июня 1917 г., когда постановлением Всероссийского Временного правительства были отменены некоторые статьи старого законодательства, касающиеся крестьянского землепользования и положения о землеустройстве от 29 мая 1911 г., – см.: Корелин А.В., Шацилло К.Ф. П.А.Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 40–53.

⁹⁴ Хитрина Н.Е. Конец Столыпинской аграрной реформы (1917 г.) // Крестьяноведение. Теория. История, Современность. Ученые записки. 1999. М., 1999. С. 62–94.

⁹⁵ См.: постановления Совета Министров от 2 февраля 1915 г. «О землевладении и землепользовании в Государстве Российском австрийских, венгерских, германских и турецких подданных»; «О землевладении и землепользовании некоторых разрядов, состоящих в русском подданстве, австрийских, венгерских и германских выходцев»; «О прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских или германских выходцев в прилегаемых пограничных районах. – Собрание узаконений и

распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате (далее СУ). 1915. 3 февр. № 39. Ст.1; Ст. 349, 351, 550. 13 декабря 1915 г. были приняты правила, изменения и дополнения к положению от 2 февраля 1915 г., — Там же. № 2749. 12 августа 1916 г. были изданы постановления Совета Министров, уточняющие и дополняющие узаконения от 2 февраля и 13 декабря 1915 г., — СУ. 1916. 1 сент. № 233. Ст. 1867, 1868, 1869. Все они были направлены на ограничение прав собственности на землю подданных и выходцев из стран, воюющих с Россией.

⁹⁶ СУ. 1916. 24 дек. № 361. Ст. 2822, 2823. В ст. 3 Закона говорилось об изъятии из действий «Правил об ограничении земель» земельных владений, по которым «производятся работы на основании Законов Межевых, (Свод законов. 1893. Т. X, ч. 2) и Положения о землеустройстве (Там же. 1912. Т. X, ч. 3), равно для размежевания и ограничения коих изданы особые узаконения, впредь до упомянутых работ» (СУ. 1916. 24 дек. № 361. Ст. 2822, 3805—3866). Указывалось, что на основании Правил дела по ограничению земельных владений приостанавливались: «а) в случаях возбуждения дел о землеустройстве связанном с установлением границы упомянутых владений; б) по заявлению смежных владельцев о производящемся в судебных местах споре об их праве собственности на землю, прилегающую к подлежащей установлению границы».

⁹⁷ Указанный «Закон» и «Правила» продолжали столыпинский курс и были направлены против незаконных захватов земель со стороны крестьян, а также на защиту прав собственников на землю. Так, Ст. 73 «Правил» предусматривала, что «установленные в порядке настоящих Правил границы не могут быть оспариваемы по давности владения», попытки завладения землями со стороны соседнего владельца не могли «служить основанием к укреплению за ним права собственности на эти земли». Также указывалось, что собственник земли, подвергшийся завладению со стороны соседнего владельца «не лишается права на ее отыскание за пропуском давности срока», — СУ. 1916. 24 дек. № 361. Ст. 2823.

⁹⁸ Хитрина Н.Е. Указ. Соч. С. 81.

⁹⁹ Вестник Временного правительства. 1917. № 1. 17. 29 июля. С. 1; СУ. 1917. Отдел 1. Ст. 1242; Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. Т. 1, ч. 2. С. 300—302.

¹⁰⁰ Хитрина Н.Е. Указ. Соч. С. 82.

¹⁰¹ Вестник Временного правительства. 1917. № 104. 14 июля; СУ 1917. Отдел I. Ст. 1128.

¹⁰² Бляхер Я. Современное землепользование по данным специальной анкеты ЦСУ 1922 г. // Вестник статистики. 1923. Кн. 13. С. 149.

¹⁰³ Цит. по: Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население,

землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 158.

¹⁰⁴ Ютин А.В. Основные проблемы сельского хозяйства Северного края // Хозяйство Севера 1929. № 12. С. 20–33.

¹⁰⁵ Страхов В. Основные проблемы сельского хозяйства Северного края // Большевицкая мысль, 1929. № 16–17. С. 53–61.

¹⁰⁶ Страхов В. Указ соч. С. 54, 55, 57.

¹⁰⁷ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 108.

¹⁰⁸ См. подробнее: Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 98–110.

¹⁰⁹ См. подробнее: Поршнева О.С. Указ соч. С. 77–79.

¹¹⁰ Емелья Л.И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М., Л., 1965. С.19.

¹¹¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Окончательные итоги. В семи отделах (сериях), 56 томах. Т. XXXIV. М., 1929. С. 160–161.

¹¹² См. подробнее: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.	3
Крестьянство	5
Помещики.	27
Хуторяне и отрубники.	35
Сельское духовенство.	42
Заключение.	49
Примечания	51

Саблин Василий Анатольевич
Социальная стратификация и социальное поведение
русской деревни 1900–1920-е гг.

Научное издание

Подписано в печать 30.10.2007. Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,75. Уч.-изд. л. 2,9. Тираж 100 экз.
Издательство «Древности Севера». 160004, г. Вологда, ул. Октябрьская, 58-48.
Тел./факс (8172) 75-93-60. E-mail: drsever@vologda.ru
Отпечатано: ООО ТИФ «Граффити». 160001, г. Вологда, ул. Марии Ульяновой, 9